

Марина

Снежневская

Снежные

ДОРОГИ

любви

АСТРА НОВА

Марина Снежневская

Снежные дороги судьбы

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Судьба лишила купеческую дочь Машу семьи и близких, забросила из Санкт-Петербурга на дикую Аляску – в самый разгар «золотой лихорадки» – в мир грубых мужчин, револьверов и виски.

Ледяной холод, тьма полярной ночи и мрачные тайны прошлого – все против неё. Сможет ли она обрести любовь как мечтала и через что ей придется пройти прежде чем осуществит эти мечты?

Содержание

Часть первая. Дочь купца	4
Часть вторая. Ветры Аляски	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Марина Снежневская

Снежные дороги любви

Часть первая. Дочь купца

Санкт-Петербург. Весна 1898 года.

– Машенька!

Голос Дмитрия вывел ее из задумчивости.

– Машенька, тебе пора возвращаться, дорогая. Мы и так рискуем рассердить твоего батюшку...

– Как, уже? – с некоторой растерянностью пробормотала Мария. А я хотела... Мы могли бы зайти куда-нибудь выпить по чашечке кофе...

Они как раз остановились на углу Лиговского проспекта и Большой Великокняжеской улицы: напротив располагалась знаменитая булочная Филипповского. Над входом её висел огромный золоченый калач – символ заведения. Внутри гостя ожидал превеликий выбор – хлеб ситный, хлеб житный, двадцать сортов, баранок, пряники печатные и глазурованные, с медом и вареньем, печенья самых разных видов и форм – от миндального до изюмного, калачи и крендели... Кроме того, к магазину примыкала уютная кондитерская, – с длинной деревянной буфетной стойкой, зеркалами по стенам, и небольшими столикам и на двоих. Тут можно было

выпить кофе либо горячего шоколада или ароматного чая, со сладостями, испеченными тут же, купить товар на вынос поболтать с приятелем или подружкой, полистать газеты и журналы. Не «Вольф и Беранже» положим, но вполне пристойное место.

Из кондитерской тянуло свежей выпечкой, ванилью и еще чем-то очень вкусным. Этот апрельский вечер был на удивление теплым и уютным. Весенний воздух впитал в себя ароматы первой зелени, оттаявшей земли и дух моря. Дурманящий запах весны плыл над городом, и ни дымок от множества печей ни запах дегтя от извозчичьих телег не мог его перебить.

Женщины одевали весенние одежды и легкие ботинки на высоком каблуке, а мужчины распахивали полы пальто. Господа в цилиндрах смотрели на цветочниц и задорно подмигивали.

Дамы бальзаковских лет бросали взгляды на бравых юнкеров и улыбались, провожая тех глазами полными сожалений об ушедшей молодости...

А Мария смотрела лишь на Дмитрия и не могла отвести глаз от возлюбленного. В своей студенческой летней шинели и тужурке с петлицами он казался молодым офицером – хотя учился всего-навсего в Горном институте.

– Машенька! – повторил Дмитрий. Нам и в самом деле пора. Я возьму извозчика. И... Я люблю тебя, Машенька. Помни это...

Она кивнула. Как такое можно забыть?

* * *

...Мария стояла перед массивным венецианским зеркалом в золоченой раме оглядывая себя так и эдак.

С грустью подумала что не красавица. Черты её лица были лишена мягкости и округлости, так украшающих слабую половину рода людского по мнению света. Она мало походила на свою мать – скорее уж в ней чем старше тем явственнее проступали черты отца – сурового и несентиментального купца, поднявшегося из низов к своему богатству и положению. Но вместе с тем в правильных линиях лица вместе с силой и упорством, читалась какая-то скрытая нежность, а полные губы дышали свежестью.

Ведь не случайно Дмитрий – её Дмитрий! – в неё влюбился!

Она вспомнила тот день почти полгода назад, когда они впервые встретились. Это случилось на свадьбе её гимназической подруги Милены Христич, дочери гражданского генерала из Министерства Путей Сообщения – с которым её отец вел какие-то дела по части железных дорог.

Дмитрий приходился дальним родственником жениху – молодому титулярному советнику и камер-юнкеру Константину Левитину из МИДа, и учился на третьем курсе Горного института. И хотя Константин и был довольно видным мо-

лодым человеком, Дмитрий с его безупречной лепки лицом, прямым носом, и решительным подбородком затмевал ново-брачного. Дмитрий покорила ее с первого взгляда а она – его.

Не было и дня чтобы Мария не думала бы о нем и не мечтала его увидеть вновь – даже расставшись час назад.

Она вдруг ощутила что проголодалась и решила навесить кухню: не найдется ли там чего вкусенького для нее? Проходя мимо кабинета отца, она невольно прислушалась.

– Выгодное дельце?! – басил Михаил Еремеевич. Скажите на милость! Мы-то понимаем: медведь любит мёд, а кузнец железо куёт! А эти господа нас видать за дурачков считают! Манчжурская хлопковая компания – выдумают же такое! Недоумки! Думают «взять фарт» как говорили разные варнаки во дни моей молодости? Так скажите вы им, Виктор Петрович, что они могут идти куда им заблагорассудится! Хоть к чёрту в пекло! Так дела не делаются – ни в нефтяной добыче, ни в плантаторстве, ни даже в торговле дровами и горшками! Ни полушки им не видать из капитала товарищества! Я еще с ума не сошел!

Как поняла Мария, у отца в кабинете сейчас находился Виктор Петрович Корф – столбовой дворянин и отставной офицер, сменивший мундир и шашку на счеты и гроссбух. Этот тридцатипятилетний импозантный красавец – не порусски темный как жук брюнет с блекло-серыми глазами был давним деловым партнером батюшки папы и не так давно даже стал компаньоном в товариществе на вере «Баранцов

и К»

Невольная улыбка проскользнула по лицу Марии, но тут же пропала.

Она знала, что многие её подруги – гимназистки, что заглядывали к ней в гости, считают Корфа завидным кавалером – за солидный вид, подтянутую фигуру бывшего кавалергарда и уверенную походку. Но Маше он решительно не нравился.

...Капитолина Ивановна Мышко, тетка Маши со стороны матери, проводила уходящую племянницу взглядом. «Как быстро Машенька выросла», – подумала пожилая дама.

Совсем как сестричка Калечка – царствие ей Небесное...

Да и она сама тоже ведь много была такой же красавицей, как это юное создание. Но это было очень давно. Теперь ее старые знакомые и не узнали бы прежнюю Капу – плясунью и певунью в располневшей почтенной даме. Муж ее – управляющий царицынской конторой Волго-Камского пароходства Иван Иеронимович Мышко давно умер, и почти десять лет назад она переехала в Санкт-Петербург – к овдовевшему супругу её младшей сестры Калерии, который остался с маленькой дочкой на руках.

Бог не дал ей детей – и всю нерастраченную любовь она отдала племяннице. В то время Маша была юным существом с добрым сердечком, отзывчивым на тепло и ласку, так что Капитолина Ивановна и девочка быстро сдружились. Это несмотря на то что Мария была не самым послушным ребен-

ком, и стала не менее свободолобивой девушкой. Никто не блистал на балах, так как Маша Баранцова, и никто из учениц 2-й-купеческой Санкт-Петербургской гимназии не имел столько поклонников. А еще никто не мог обогнать её как она становилась на коньки или верхом... Да уж – обычному и пристойному, по мнению Капитолины Ивановны, девичьему времяпрепровождению вроде вышивания, игры на пианино или театра – ну в крайнем случае какого-нибудь амурного французского романа, Маша предпочитала новомодные увлечения вроде спорта... Ну пусть были бы эти музыкальные вечера, любительские спектакли или поездки на пикники – хотя там молодые девушки уж слишком непринужденно общаются с молодыми людьми. Ну пусть бы их! Но – подумать только – её племянница посещает женское (!!!) спортивном обществе с пошловато звучащим именем «Левкиппа», в честь какой-то упомянутой у Гомера амазонки.

Капитолина Ивановна считала такое сугубо неправильным и как-то раз попыталась поговорить с зятем о воспитании Маши, упирая на то, что такое вольное поведение отпугнет не только женихов, но что хуже – и их родителей. Но разговора не получилось.

– Ты не права, Капитолина, – после первых же слов нахмурился Баранцов. Машутка такая как есть и с этим ничего не поделатъ – моя кровь... Что же насчет всего прочего... – он хитро прищурился, – я так кумекаю – с моим капиталом у неё не будет нехватки в женихах – когда придет время. И

хватит об этом!

... Да что уж говорить – видать времена такие. Слава Богу по крайней мере хоть не какой-нибудь кружок вольнодумцев – откуда и до ссылки в места отдаленные недалеко(экий каламбур право слово вышел!)... Чем-чем а этими «новыми веяниями» девочка не интересуется совершенно.

Капитолина Ивановна тяжело вздохнула. Пора было возвращаться к обязанностям хозяйки дома. Тут нужен глаз да глаз – вот только сегодня она отправила горничную Марту Роотс, девушку из ревельских мещан, за бельем к белошвейке. Но с тех пор прошло много времени. Наверное, строит глазки какому-нибудь приказчику. Она была дочерью любимой служанки её покойной сестры, и которую та, умирая, вручила заботам покойной Калерии, не зная что той ненадолго суждено пережить свою любимицу. И теперь Капитолина Ивановна на полном серьезе считала себя опекуной девушки. У Марты было изящное фарфоровое личико волосы цвета ржаной соломы, вполне подходившие к бледновато голубым глазам. Ее стройную фигурку подчеркивало строгое платье, талию перетягивал белый кружевной передник – одеяние горничной очень ей шло. Мда... будь Михаил помоложе да поздоровее – она бы начала беспокоится за невинность Марты...

Капитолина Ивановна заспешила прочь по длинному коридору, увлеченная идеей проучить дерзкую девчонку – воспитания без строгостей не бывает. Она совсем забыла об Ма-

рии...

... Девушка направилась в кухню. Задняя часть их питейского особняка, построенного в пятидесятые годы каким-то заезжим голландцем, состояла из прачечной, кладовых и комнат прислуги. Дом этот надо сказать был воздвигнут по заказу какого-то богатого пензенского помещика по его вкусу – но вскоре после того как стройка была закончена хозяин окончательно промотался и дом пошел с торгов и был выкуплен дедом Маши, став частью маминого приданного. Так что она можно сказать выросла в самом настоящем «дворянском гнезде». К дому примыкал солидных размеров задний двор где нашлось место конюшне, каретному сараю, флигелю для прислуги где жили сейчас дворник и кучер Гурий, смотревший за их семейным выездом – в виде брички и мерина Рудого; и маленькому садику с английским газоном. Но центром дома несомненно была кухня, в которой можно было приготовить еду на роту солдат, с огромной плитой и теплым ароматом свежеспеченных булочек. (Хотя комната Марии где имелся эркер с двумя пальмами в кадках и французской козеткой нравилась ей чуть больше.)

Пока Глаша готовила, Мария села за стол и стала думать о том, что в последнее время, когда рядом не было папы, Виктор Петрович слишком часто стал позволять себе вызывающие нескромные взгляды. А на прошлой неделе намекнул на совершенно абсурдную вещь: свадьбу. Ей стало неприятно от одной мысли. Какая может быть свадьба с каким-то Кор-

фом, если она любит Дмитрия и только его?!

Не утруждая себя походом в столовую, Мария прямо на кухне наскоро перекусила свежим ростбифом с французской булкой, пончиками и стаканом холодного молока – типичный европейский завтрак как гласят новейшие кулинарные книги.

В чём другом, а в том что касалось еды она была яркой прогрессисткой – все эти кулебяки, блины с икрой, огромные расстегаи и чуть ли не полуведерные тарелки щей, составлявшие трапезу её отца казались ей вульгарными. Она же не какая-то старозаветная купчиха вроде Кабанихи из обожаемой ею «Грозы» Островского...

Когда она вернулась, Корф как раз вышел из отцовского кабинета. Одетый в безупречную чесучовую пару, статный, с пышной шевелюрой, с правильными, если не сказать – античными чертами лица, чуть удлинённым носом этот господин: бывший ротмистр конной гвардии сейчас почему-то напоминал ей утомленного жизнью частного пристава или преуспевающего ресторатора. Как Маша знала, Корф вырос в семье провинциального земского деятеля, человека либеральных взглядов, даже временами почти социалистических, гремевшего в свое время среди «общества»; и даже один раз арестовывавшегося – после цареубийства Первого марта. Но вот его сына всякие прогрессивные идеи не волновали. Зато он страстно мечтал вырваться из провинциальной глуши и разбогатеть. Потому быстро вышел в отставку и за-

ложил свое небогатое имение в Костромской губернии, чтобы с получившимся капиталом явиться к Баранцову, ибо знал его тестя – отца покойной матери Маши. Выбор был безошибочный и разбогатеть Корфу вполне удалось, хотя как она знала, многие родственники и друзья его семьи не особо его привечали, посматривая косо за уход из полка и обращение к делам купеческого сословия.

Впрочем это не помешало ему быть принятым в этих кругах за своего и связи Корфа не раз пригождались её отцу в делах Меркурия.

Корф остановил взгляд на Маше. С полминуты он стоял молча а потом вдруг решительно обратился к ней.

– Мария Михайловна!

– Что вам, Виктор Петрович? – в голосе девушки прозвучало отстраненное раздражение.

– Мария Михайловна, позвольте вас пригласить на прогулку... Прекрасная погода, первые весенние дни...

– Сейчас? Нет, благодарю. Мне нужно отдохнуть...

Корф нетерпеливо пожал плечами.

– Я думаю, мы всё же могли бы найти время для небольшого променада.

– Виктор Петрович – я же сказала! – надула она губки.

– Извините, – голос прозвучал настойчиво. Мне очень нужно с вами поговорить. Это важно.

– Не сейчас, Виктор Петрович. У меня действительно нет времени.

Его глаза рассерженно блеснули, губы упрямо поджались.

– Я должен поговорить с вами, Мария Михайловна, но здесь... это наверное неуместно. Разговор должен остаться между нами.

Мария тяжело вздохнула.

– Ну, ладно.

Она взяла свою мантилью и быстро завернулась в нее, потом надела шляпку, в то время как Корф подхватил со столика цилиндр и изящную трость...

Ладно, она выслушает его признание (уж не дура – догадалась о чем пойдет речь)... Потом откажет – и все. Пусть ухлестывает за её подругами тем более те совсем не прочь.

Они прошли Конногвардейский переулок в просвете которого был виден тяжеловесный дом – почти дворец. То был как помнила Мария один из особняков князей Юсуповых.

Слева остался дом Якобсона – громадное строение, занимавшее почти целый квартал, и выходявшее сразу на Садовую улицу и на Вознесенский и Петергофский проспекты. Этот доходный дом включал в себя целый лабиринт с бесчисленным множеством квартир, дававший приют множеству народа. В грязных и темных полуподвальных комнатах ютились истопники, мастеровые, каменщики. В меблированных квартирках – душных и тесноватых – квартировали чиновники, студенты посостоятельнее, приказчики средней руки, и девицы «живущие от себя» – из тех что получше да почище. Ну а в квартирах бель-этажа разные там статские совет-

ники, маклеры, рестораторы, модные врачи и прочая чистая публика.

Ну когда же Корф начнет этот свой разговор – скорее бы уж!

Они достигли перекрестка Литейного и Конногвардейского. Тут возвышался обнесенный чугунной оградой, особняк графа Гурятинского. Граф сей этот прославился тем, что в царствование Николая I – прадеда нынешнего царя, он – штабс-капитан гвардейской артиллерии, отверг предложенную ему руку фрейлины Нелидовской – беременной фаворитки императора, хотя к ней прилагались сто тысяч приданного и чин флигель-адъютанта. Он оставил службу в гвардии, женился на дочери деревенского священника в которую давно был влюблен, покинул Петербург, и уехал на Кавказ, где проявил удивительное мужество. Но карьеры так и не сделал. Граф вышел в отставку после Крымской войны, с тех пор и ведет отшельнический образ жизни. При этом отклонял все приглашения вернуться на службу от сменивших Николая Павловича царей, как говорят, будучи не в здравом рассудке.

Все это пронеслось у неё в голове, пока они стояли напротив мрачного дома, словно чего-то ожидая.

За несколько домов от них, вблизи Трехсвятского переулочка строители заканчивали перекрывать крышу трехэтажного доходного дома – сороковых, кажется, годов.

Взвизгивала пила, звонко били молотки, а молодой голос залихватски выводил:

Сидит барыня в Аду,
Просит жареного льду.
Черти её, глупую,
Ухватами щупают...

Эх – да ухватами щупают! – вразнобой подхватили рабочие. Послышался смех, добродушная перебранка...

– Хамье, – презрительно бросил Корф ни к кому не обращаясь. Ржут точно кирасирские жеребцы!

Маша интуитивно почуяла что ее визави опасается начать беседу. Ну значит придется ей...

Повернувшись к нему она внимательно посмотрела в лицо Корфа – прямо и не отводя глаз – как делали героини ее любимых французских романов...

– Так о чем вы хотели поговорить со мной, Виктор Петрович? – тоном каким в драмах знатные дамы отчитывают лакеев произнесла она.

– Мария Михайловна... – выдавил он. Я прошу вас... прошу вас стать моей женой! Девушка молчала – но не от удивления – просто тянула время, размышляя над тем, как бы повежливее отказать неожиданному (хотя пожалуй вполне *ожиданному*) претенденту на руку и сердце. В душе вдруг даже возникла какая – то жалость к Корфу. В конце концов – она же не виновата что не любит его.

– Вы хотите, сударь, чтобы мы сочетались законным браком? – наконец вымолвила она растягивая слова.

– Да, хочу, – порывисто забормотал он. А что же в этом странного, скажите на милость? Мария, я... мечтаю соединить мою жизнь с вашей уже давно! Вам тогда было еще неполных шестнадцать лет – но я уже тогда решил что вы предназначены мне!

Мария молча смотрела на Корфа. Его напор и страстность удивляли и даже где-то пугали девушку. Молодые люди, которых она знала, никогда не говорили ей подобных слов.

И тут же возникло резкое раздражение.

Скажите пожалуйста, какой кавалер! Напорист и прямолинеен – словно она не дочь его патрона а субретка! Да и комплимент на грани – хотя надо признать и не переходит её.

Он нервно сжал губы а потом вдруг схватил её за руку.

подавив непонятный страх, она вырвалась и отступила назад.

– Вы забываетесь, сударь! Я не давала повода! – воскликнула она.

Боже мой, если бы на его месте был Дмитрий! От него бы она выслушала бы и не такое! И даже, может быть, не только выслушала...

Из-за этой мысли она пропустила мимо ушей продолжение разговора.

...Но поверьте – я сделаю все чтобы вы были счастливы – и вы будете счастлива со мной, сударыня! Да – вы будете счастливы, когда рядом с вами окажется человек, понимающий, что к чему в этой жизни, – услышала она придя в себя.

– Я не собираюсь... – придав голосу как можно большую надменность начала она и запнулась. Как бы поэффектнее отказать этому приказчику?

– Короче вы и сами все понимаете. Тем более, что...

Однако прежде чем она успела сказать что-то, вдруг Корф схватил ее за плечи и поцеловал. (Поцеловал!!!)

– Пожалуйста, только не на улице, мсье Корф! Это, в конце концов, дурной тон! – как можно более холодно произнесла Мария. Или вы просто сошли с ума? – сурово сдвинув брови, продолжила она, запоздало подумав что стоило бы дать ему пощечину. – Вряд ли мой отец будет рад, узнав о таком поведении своего компаньона и друга семьи, – столь же ледяным тоном продолжила она.

– Вы шантажируете меня? – вдруг рассмеялся Корф. Напрасно, напрасно! Я как раз хотел сказать, что ваш батюшка говорил со мной о вас, Марья Михайловна. Точнее – и о том что хотел бы видеть свою дочь замужем за солидным и надежным человеком. А потом почти открыто сообщил что будет рад если судьбе будет угодно сделать именно меня его зятем.

– Врете, господин Корф! – вспыхнув, гневно бросила Мария, за показной яростью пытаясь скрыть растерянность. Мой батюшка никогда в жизни не захочет видеть меня замужем за тем, кого я не люблю. Я не желаю выслушивать ваш бред безумца! Я возвращаюсь домой – и не вздумайте меня провожать!

– Нет, сударыня, наш разговор не закончен, – решительно заступил ей дорогу Корф.

И вы не уйдете, пока не выслушаете всего, что я считаю нужным сказать!

– Я уже сказала, что никогда не выйду за вас замуж, Виктор Петрович! И я не желаю продолжать этот глупый разговор! Оставьте эти ваши... ваши бессмысленные безумные мечты! – выпалила девушка.

– О, вы правы... – вздохнул Корф с неожиданно одухотворенным выражением на лице. Как же вы правы! Вы – моя безумная мечта! Моя принцесса Грёза, как выражаются поэты!

– Что вы хотите этим сказать? Вы точно сошли с ума! Я сейчас пойду и расскажу все *pap'a!*

Да! Да! Я и в самом деле все расскажу бабушке! – сорвалась Мария на крик, теряя всякий контроль над собой. Не забываетесь – я его дочь. А... а вы... вы милостивый государь, – пустое место, нуль, конторская крыса! – она возмущенно топнула ножкой, обутой в модный ботинок на остром каблучке.

Корф снова схватил её за плечи и сильно встряхнул. Девушке вдруг стало страшно.

– Что вы себе позволяете? – тем не менее осведомилась она как можно спокойнее.

– Я всего лишь привожу вас в чувство. Не хотелось бы ну да ладно... Мне пора уже видимо сообщить вам, Мария Ми-

хайловна – почему Михаил Еремеевич решил поторопиться с вашей свадьбой. С *нашей* свадьбой! – уточнил он.

Корф выдержал паузу секунд пять.

А потом будничным тоном сказал нечто такое, отчего у Маши подкосились ноги, а окружающий мир поплыл перед глазами...

– Дело в том, сударыня, что ваш отец на краю могилы. Я говорил с врачами. Жить ему осталось недолго. И к сожалению, скорее всего медицина бессильна – рак...

– Это... это неправда! Этого не может быть! – пролепетала она.

Да – она знала что отец действительно болен. Но что он при смерти... Девушка глубоко вздохнула, и мысли ее несколько прояснились.

– На прошлой неделе, в день когда вы, сударыня, изволили-с развлекаться на театре, – с бесконечным ехидством сообщил Корф, – его скрутил очередной приступ, и я по его поручению привез трех лучших врачей каких нашел в справочнике «Весь Петербург».

Состоялся консилиум, и двое из трех поставили единодушный диагноз: Михаил Еремеевич может умереть в любой момент.

– Что вы несете?! – всхлипнула Мария.

Голос её дрожал и срывался. Мир все еще плыл в зрачках, как будто этот человек со всего маху обрушил ей на голову удар дубины.

Лицо Корфа было скорбным, но в глазах она заметила что-то похожее на спокойное удовлетворение.

В горле застрял комок, и не было сил его проглотить. В одном Корф был прав: батюшка болен, он тает на глазах. Но – умирает! Её отец не может умереть!

– Лжете!!! Оставьте меня – я сейчас же иду домой и...

– И что дальше? – с затаенным презрением прозвучало с его стороны. – Спросите у Михаила Еремеевича правда ли что он умирает? Он будет рад такому почтительному обращению! А заодно уж сообщите что намерены отвергнуть его последнюю волю – чтобы он покидая этот мир зная что его имущество в руках юной девчонки пойдет по ветру, и дочь его впадет в нищету. Радость его станет просто невообразимой! Доктор Верховцев – вы наверное слышали про это восходящее светило медицины? (Мария не слышала но какое это имеет значение теперь?) Так вот – доктор Верховцев сказал, что вашему отцу осталось самое большее год-полтора, и что малейшее волнение, любое потрясение может убить его. Вы ведь не захотите взять на себя такой грех, Мария Михаловна? Вот почему, моя дорогая, – ставший внезапно ледяным и непреклонным тон заставил её замереть, – вы будете вести себя, как послушная дочь. Сообщите ему в ближайшие дни о нашей помолвке – уверяю, он будет рад...

...Все это было похоже на страшный сон! Нет – это и было кошмарным сном наяву!

...Последние два года здоровье батюшки сильно ухудши-

лось, его все чаще беспокоили усиливающиеся боли в животе. Иногда домашние напоминали Баранцову – старшему что невредно бы обратиться к эскулапам, но всякий раз он решительно отнекивался.

– Эх, да оставьте! – восклицал он. Что они понимают – все эти шарлатаны и надувалы? Что могут они мне сказать чего я не знаю сам? Что за свою жизнь я выпил слишком много водки? Или что в юности работал как вол, мерз в чертовой тайге, и питался всякой дрянью? Или что не надо съедать по две отбивных за обедом, а надо уморить себя голодом – еще платя кучу денег какому-нибудь ученому дураку в пенсне, чтобы он составил эту... как её – *диету* из вареной морковки и шпината?? Я им что – кролик? Или осел?

И вот теперь выходит что напрасно он не прислушался к их советам?

Маша попыталась справиться с чувством безотчетного страха. Как будто со стороны она услышала свой бесцветный, словно чужой голос:

– Я поняла... Вы заставили батюшку согласиться... Вы запугали его моей судьбой после его преждевременной смерти! Может и тех докторов вы подкупили! И этого вашего Верховцева! – голос ее сорвался на крик.

– Ну и ну! – саркастически рассмеялся Корф. И кто-то тут говорил о сумасшествии? Я подкупил врачей! Видимо тогда уж и всех врачей Санкт-Петербурга! Ну а что до второго... Вы сударыня и в самом деле полагаете что Михаила Ереме-

евича можно заставить что-то сделать?! Как и отказаться от того что он уже решил? Так что смиритесь – все равно мы поженимся, – сухо закончил он.

– А я вам говорю, сударь – никогда!

Все было как во сне. Маше казалось, что она вот-вот проснется и увидит знакомые стены своей комнаты. Это не могло происходить на самом деле!

– Ну же, не упрямитесь...

– Нет. Я не хочу. Я никогда не буду вашей!

– Будете милочка! – он усмехнулся – даже с каким – то сочувствием. Такова судьба если угодно! Пока так сказать смерть не разлучит нас!

Девушка не успела ничего ответить – Корф взял её за руку и приложился к ней сухими губами. Затем резко как на плацу развернулся и ушел быстрым шагом.

...Неудержимые слезы горя и безысходности хлынули из глаз Маши.

* * *

Мария вернулась домой, подавленная и уничтоженная. Из зеркала в прихожей на нее глянуло отражение: испуганный взгляд, растрепанные волосы, лихорадочный румянец на щеках.

В ее голове ворочался клубок тягостных мыслей. Действительно ли батюшка при смерти или это ложь Корфа? Но

неужто он осмелился врать подобным образом?

«Господи, спаси меня!»

К счастью, никто, кроме Марты, не заметил ее прихода.

– Батюшка...?

– Он наверху у себя, Мария Михайловна.

– С ним все благополучно?

Девушка кивнула в ответ, но от неё не ускользнул ее напряженный взгляд.

Папенька и в самом деле наверное болен... Даже слуги об этом знают! Болен но наверняка не смертельно – этого не может быть! Это все придумал Корф, чтобы запутать ее. Но он сделал предложение – не мог же он так нагло врать! Девушка почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

Пару минут спустя Мария постучала в спальню отца.

– Войдите, кого там несет? А, это ты, доченька?

Она вошла и увидела отца сидящим на диване, удобно облокотившимся на подушки. На нем был уже привычный архалук из сине-желтой полосатой ткани, под которым была рубашка безупречной белизны, брюки в серую полоску и расшитые домашние туфли – с тех пор как здоровье Михаила Ефремовича пошатнулось и он все чаще работал дома, в этом одеянии он даже принимал коллег-купцов и явившихся по делам чиновников.

Вокруг были разбросаны подшивки «Русской мысли» страницы «Коммерсанта» с биржевыми котировками, какие-то справочники... Тут же на ночном столике стояла

бронзовая пепельница в виде фривольно раскинувшейся нимфы, с недокуренной гаванской сигарой.

– Извини, доченька, вот, заработался... – как-то виновато улыбнулся отец. И то сказать – разрослось дело – пригляда требует. Дело оно не сурепка аль еще бурьян какой: те – то своей волей растут.

Мария ничего не сказала – но ей вдруг стало стыдно что она отвлекает отца от забот.

Человек даёт кусок хлеба не одной сотне людей, день и ночь думает о делах, не видит, не чувствует себя в заботах... А она со своими девичьими страхами! В конце концов она не кисейная барышня и отвадить ухажера забывшего приличия уж сумеет. Она дочь своего отца а её отец как-никак...

И тут она почему-то подумала, что ведь не очень хорошо знает отца...

Прошлое Михаила Еремеевича было довольно таинственным. Рассказывал он мало, игнорируя слишком настойчивые вопросы и каждое слово приходилось вытягивать буквально клещами. Приехал он в Петербург скоро как четверть века назад – уже с приличным капиталом. С тех пор тут и жил, тут женился и обзавелся домом.

Никого из родственников по отцовской линии Мария не видала, да по его словам их давно уже не было в живых. Мать, бабушку Марии, он потерял в три годика. Дед Марии – умерший когда отцу было шестнадцать, был конторщиком на захудалом хлебном складе в Царевококшайском уезде.

Юноша должен был сам устраивать свою жизнь – был и конюхом, и берейтором в бродячем цирке, и торговал вразнос мелким товаром. Затем судьба занесла его на Алдан. Там он за несколько лет накопил на то чтобы открыть дело. Как он сам не раз говорил, не благодаря удаче и богатой золотой жиле – о которой мечтает всякий старатель, а потому что все то что приносил ему тяжелый труд в тайге не спускал в кабаках да на гулящих баб, как прочие товарищи, а старательно копил.

Про те времена он особенно не любил говорить. Лишь по отрывочным воспоминаниям в минуты откровенности она представляла себе дремучую, вековую тайгу – чем дальше тем суровее и мрачнее. Переходы по диким нехоженным тропам, когда целыми днями вокруг тишина и полумрак, ночевки на выработанных приисках, в полуразрушенных бараках – когда на ночь выставляли караульного – а то пропадешь ни за грош. Трупы, которые иногда находили на таких вот рудниках – умерших от цинги, или иной хвори, от голода, раздавленных рухнувшей крепью или убитых «лихими людьми». Дороги через горы, завалы, каменистые россыпи, когда лошади ломали ноги или просто падали, не выдержав тяжести пути – а люди шли дальше. Тяжкий непосильный труд летом в воде по колено, тучи комаров и гнуса, а зимой морозы так что птицы замерзают на лету... Когда она думала об этом, то невольно преклонялась перед отцом – такое мог выдержать только человек, воистину крепкий не только

телом но и духом.

Мария знала что слухи в обществе об её отце ходили самые разные.

Иные считали его крещенным евреем, что секретным образом ведет дела соплеменников, другие – тайным раскольником, делающим то же самое. Находились и такие что числили его раскаявшимся душегубом, который носит на теле уличающие его следы от плетей и кандалов...

Рассказывали даже что деньги с которых пошла разжива, он не добыл в старательском шурфе а выиграл на каком-то захолустанном постоялом дворе у допившего до полного сумасшествия барона – причем не в карты а в «гусарскую рулетку». Он – молодой бедный приказчик, единственный из собравшихся застигнутых паводком согласился на предложение еле ворочавшего языком богача – эх, однава живем! Ему досталось по жребию выстрелить первым – и удар бойка пришелся в пустое гнездо барабана. Барон, расхохотавшись, положил на зеленое сукно полста тысяч ассигнациями, нажал курок револьвера и лег под ломберный стол с раздробленным черепом. Ну а Михаил Еремеевич забрал деньги да был таков.

Отец иногда вспоминая эти слухи только посмеивался – сам он был типичный купец первой гильдии – солидный господин крепкого сложения, с аккуратной бородой и цепким прищуром глаз, в меру честный, в меру хитрый, в меру образованный...

Михаил Еремеевич тяжело поднялся, и охнув опять сел на диван. По осунувшемуся лицу и бледности, покрывавшей высокий лоб она поняла что он, пожалуй, и в самом деле сильно не здоров.

Она сделала над собой усилие и улыбнулась со всем очарованием, на какое была способна.

– Батюшка, я хочу поговорить с тобой.

– Хорошо, хорошо. Ну, выкладывай, что случилось? Надеюсь – хоть не лошадь купить хочешь для этих своих конных прогулок? Лошади нам конечно не хватает... – притворно тяжело вздохнул он. Видимо, Михаил Еремеевич вспомнил как пару лет назад Маша упрашивала его купить кобылу Пантеру арабских кровей, которую продавала за три тысячи ассигнациями семья её соученицы по гимназии Лиды Роговой.

– Нет *par'a*, что ты...

Она потупила глаза под пристальным взглядом отца.

– Я хотела поговорить с тобой о ... о моем замужестве. И об остальном.

– Ах, вот оно что! – как-то натянуто улыбнулся отец. Ну слава Господу! Я то думал что у тебя один театр да этот... лаун-теннис на уме.

– Батюшка, мы с ... с господином Дмитрием Ивановичем Подымовым решили пожениться, если ты благословишь нас, – сказала Маша как будто прыгая в ледяную воду. Мы снимем квартиру... недорогую... мы уже все решили. Вот

увидишь, Дмитрий сможет содержать меня. Он будет много работать, ведь он сам зарабатывает, и...

Она тараторила и не могла остановиться. Потом она загнулась на полуслове – по лицу отца поняв что услышанное его совсем не обрадовало.

– Что ты скажешь, батюшка? – обреченно спросила она.

– Что ж мне сказать, доченька... – процедил сквозь зубы купец первой гильдии Баранцов. То и скажу что лучше б ты кобылу попросила кровную. Или уж сразу выезд с рысаками!

Ты знаешь – этот твой Дмитрий... – он сцепил зубы обдумывая следующую фразу. Скажу так – если бы у него был миллион, он тебе бы подошел. Ибо сам по себе он ни на что не годен. Это не беря в ум то, что не зря говорят – красивый муж, это не твой муж!

– Батюшка! – возмутилась Мария.

– Что «батюшка»? – посуровел Баранцов. Я хочу видеть рядом с тобой надежного, состоятельного человека, который и в самом деле умеет устраиваться в жизни. А вовсе не ничемного молодого глупца, который пустит по ветру твое добро... – отец говорил солидно и обстоятельно – как будто обсуждал важную сделку. Да для него её – дочери, родной кровиночки – брак и был сделкой!

– Но Дмитрию совсем не нужны мои деньги! – слабо запротестовала она.

– Ээ, – махнул рукой отец, и в голосе его зазвучало застарелое презрение. Слыхали мы эту песню! Только вот и дру-

гое нам ведомо: «Был бы сват насквозь свят, кабы душа не просила барыша». Жизнь есть жизнь – и раз ты этого не понимаешь, то уж позволь родителю с такими вещами разбираться!

Тон, каким говорил отец, не оставлял ни малейшей надежды...

– Марьюшка, ты хорошо поняла меня? – строго произнес он давая понять что разговор закончен. Выкинь из головы этого Подымова... Тем более его отец под конец жизни стал горьким пьяницей и мотом – даром что статский советник. Отчего собственно и разорился. Да и матушка... – он замялся, – Так сказать не была безупречной...

– Но мы решили пожениться... – растерянно пролепетала она. И при чем тут родители Дмитрия если они давно умерли?

– Нет, этого не будет, – сурово отрезал Михаил Еремеевич. И хватит говорить об этом. Я не хочу, чтобы вы вообще виделись. Ты хорошо меня поняла, дочь моя?

Девушка поняла, что по крайней мере сегодня к этому разговору возвращаться не стоит.

– Я всё поняла, папенька. Но если ты против моего брака с Дмитрием, то тогда и мне будет позволено отказать кое-кому?

– Это о ком же ты? – поднял он брови.

– Твой компаньон... Господин Корф меня домогается. Он требует, чтобы я согласилась стать его женой. И он уверен,

что ты хочешь видеть его моим мужем! Вот так, – она выпалила это на одном дыхании.

Михаил Еремеевич с ничего не выражающим лицом откинулся на подушки и стал молча перебирать биржевые сводки. Большие черного дерева с бронзой напольные часы громким тиканьем отсчитывали мгновения тягостного молчания.

– Рар’а! Объясни мне, что все это значит! Ты хочешь сказать, что ... господин Корф не лжет? Это ведь неправда, да? Девушка почти кричала.

– Я... видишь ли, Маша, – тяжело вздохнув начал Михаил Еемеевич, – не желал говорить тебе об этом сейчас. Думал дождаться, когда ты выкинешь из головы этого своего никчемного кавалера.

– Дмитрий не никчемный, папенька! Как ты можешь так говорить о нем? Он не богат но сам прокладывает себе дорогу в жизни, как и ты и... я люблю его! Он...

– Я запрещаю тебе даже думать о нем! – рявкнул вдруг Баранцов привстав – глаза его грозно сверкнули. – Успокойся и послушай меня, Марьюшка, – продолжил он, уже смягчившись. – Я и в самом деле хочу, чтобы твоя судьба была устроена... еще при моей жизни. Чтобы ты вышла замуж за взрослого, солидного мужчину, за которым будешь как за каменной стеной... Виктор Петрович как раз из таких!

– Он... грубиян! – невпопад ляпнула Маша, совершенно потерявшись.

– Он и в самом деле наверное не столь обходительный как

этот... – Михаил Еремеевич явно проглотил ругательство, – Подымов. Но он – молодчина, деловик, умница! Таких не часто встретишь! Дворянин – если тебе уж так это важно! Но не из светских вертопрахов!

И, усмехаясь, прибавил:

– Я, представь, видывал как другие из нашего торгового сословия соблазнялись титулом или погонами жениха – а потом были вынуждены выкупать зятьев из долговой «ямы». А до прочего – так стерпится-слюбится. Так что... Потому как... все мы ходим под Богом, – махнул он рукой. Не знаю – говорил ли тебе господин Корф о том что думают о моих делах врачи... Уж не понять какая дрянь завелась во мне, – Баранцов-старший вздохнул, огладив живот, – но так просто подышать я не собираюсь. Тем более что Фельцер с диагнозом не согласился а ему я верю больше чем этим новомодным умникам... Эх – не хотел говорить ну чего уж теперь. Не знаю, долго ли я еще протяну на этом свете. В конце концов, каждую минуту может случиться так, что... – желваки тяжело ходили по вдруг побледневшему лицу.

Мария не верила своим ушам. У неё перехватило дыхание от ужаса, она была не в силах пошевелинуться.

– Батюшка, ты не умрешь... – пролепетала она.

– Все мы рано или поздно *там* будем, дочка, – вздохнул отец. И я хочу отойти в загробный мир спокойно, чтобы потом не ворочаться в могиле при мысли, что какой-нибудь смазливый щеголь с пустой головой может обобрать тебя до

нитки. На мне и так хватает грехов чтобы я еще добавил к ним небрежение судьбой родного дитя.

Страшная в своей очевидности догадка промелькнула в её голове.

– Ты... выдаешь меня за...замуж за...за... Корфа?

Михаил Еремеевич как-то мгновенно ослаб, казалось, что силы оставили его.

– Да... Да, Маша, – тихо и серьезно сказал отец. Что тут сказать – никогда не любил этих уверток да околичностей... Я и в самом деле хочу, чтобы вы с Виктором Петровичем поженились. Потому – то... Эх ладно! Слушай мою волю да не вздумай лить слезы! – прикрикнул он. Не к лицу тебе плакать – моя кровь как-никак...

* * *

...Маша лежала, уткнувшись лицом в подушку и с трудом сдерживая слезы думала над тем на что обрѣк её родной отец. Нет – Михаил Еремеевич слава Богу не выдавал ее замуж за Корфа прямо завтра. Он дал ей время подумать. Но опасаясь внезапной кончины и заодно видимо – чтобы лишний раз показать свою непреклонную волю он написал завещание.

Условия его были просты и понятны. Немалые деньги предназначались тетушке и прислуге. Капитолина Ивановна также получала право жить в доме до самой смерти а Марта и Глаша – по три тысячи на приданое. Но это мелочи.

Иное дело – основной капитал. Если Мария выходит замуж за Корфа, они вдвоем становятся полноправными владельцами всего отцовского дела и прочего имущества. Если же она не выйдет за Корфа, она унаследует только пятую часть отцовского состояния. Еще десятую часть получит Корф, а остальное пойдет на благотворительность и в Троице-Сергиевскую Лавру. Но даже своей частью она не сможет распоряжаться как захочет – три душеприказчика будут выплачивать ей хотя и солидное но ограниченное содержание. Даже дом перейдет к Капитолине Ивановне – с условием что Маша будет там жить сколько ей вздумается, само собой – но без права продажи и залога.

Девушка не была искусна в тонкостях законов но понимала отчетливо – завещание было составлено таким образом, чтобы вынудить ее выйти замуж за Корфа. Они могли стать полноправными наследниками только вместе. Если Мария откажет ему или захочет выйти замуж за другого, она получит лишь жалкие крохи.

Она отказывалась верить в то, что отец мог так безжалостно поступить с ней. Может, он сошел с ума? Но как бы то ни было завещание существует, оно подписано, одна его копия у их нотариуса – старика Гольдштейна, другая – в сейфе в отцовском кабинете. Это документ, который имеет законную силу.

Отец сказал ей тогда напоследок:

– Машенька – поверь старику видевшему жизнь во всех

видах. Любовь хороша тогда, когда есть деньги. Мне что скрывать нравится Виктор Петрович. Пусть он не красавчик и не учился в разных университетах – но он неплохой человек – с ним ты будешь как за каменной стеной и я смогу быть уверенным в твоём благополучии. Я не буду говорить что он любит тебя больше жизни – но в чём уверен – так что он не обидит тебя и сделает все чтобы ты была счастлива. И... ладно – стерпится-слюбится. А теперь иди. Я знаешь, Марьюшка, немного устал.

Он вытер испарину с побледневшего вдруг лица.

Девушка вскочила и опрометью выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Теперь понятно, почему Корф так хочет, чтобы они поженились! Если это произойдет, он станет безраздельным хозяином дела отца. Вот чего он добивается! Плевать этому коммерсанту во дворянстве на неё! Как отец не видит этого?? «Любовь хороша тогда, когда есть деньги». Как папенька может быть таким циничным! Неужели он действительно так считает?

Но их любовь с Дмитрием не нуждается в презренном металле и каких-то акциях с облигациями и купонами! Ей не нужно папиного состояния! А вот Корф ничего не получит – ни её ни семейный капитал – хоть он лопни!

Но Боже мой, что же делать? Вытирая глаза Мария решила не думать об этом сейчас. Надо сначала поговорить с Дмитрием. Надо увидеться с ним, чего бы это ни стоило. Ей

было необходимо почувствовать его рядом, услышать его голос, еще раз убедиться в том, что он ее любит.

Она расскажет ему все и они вместе что-нибудь придумают!

* * *

Девушка бежала по улице. Ее отороченная кружевом мантилья сползла с плеч, частый стук каблуков отдавался гулким эхом на пустынной улице. Ей удалось выбраться из дома незамеченной, воспользовавшись черным ходом с кухни. Но сейчас это не имело значения. Если все будет хорошо, она скоро увидит Дмитрия – тут она назначила ему свидание письмом переданным с нарочным.

Запыхавшись, Мария быстрым шагом дошла до угла, где назначила ему свидание. С наступлением сумерек жизнь переносится с улиц внутрь домов. Как бы в подтверждение этому из ближайшего окна, задернутого шторой, донесся громкий женский смех, гитарные переборы...

Низкий чувственный голос невидимой певицы выводил под аккорды семиструнной гитары.

...Ты пришел воистину от Бога!

Ждет тебя дорога впереди,

А в дороге той лишь слезы и тревога...

Затем из переулка донесся пьяный рык подгулявшего чернорабочего или извозчика.

Мария подумала, что ей не следовало выходить поздним вечером из дома одной. Девушка инстинктивно отступила глубже в тень дома.

Потом вдруг устыдилась своих мыслей и попробовала их отогнать. Чего ей бояться в конце концов? Она дочь Михаила Еремеевича Баранцова, миллионщика, сколотившего капитал не обманом и биржевыми спекуляциями а лопатой и кайлом – а не какая-то маленькая девочка, которая до дрожи боится темноты!

Но напрасно. Ей не удавалось справиться с собой. К горлу подкатывала дурнота, ладони стали холодными и влажными, плечи дрожали. Шло время. Возвышенные романсы, доносившиеся из-за окон, по мере того как компания поглощала горячительные напитки (о чем говорили учащавшиеся взрывы смеха) сменялись развеселыми городскими песенками...

Там, где Крюков канал
И Фонтанка река
Словно брат и сестра обнимаются,
Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два
Вереницы студентов шатаются.
Они курят и пьют,
На начальство плюют,
И еще – эк! – кое-чем занимаются.

Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу три – спотыкаются!
Сам Харлампий святой
С золотой головой
Сверху смотрит на них, ухмыляется.
Он бы тоже не прочь
Провести с ними ночь,
Но на данный момент не решается...

Она почувствовала истинное облегчение, когда из темноты вынырнул знакомый силуэт.

– Дмитрий! Дмитрий! Господи, наконец-то!

– Машенька, ради Бога, что случилось? Я очень испугался, когда получил твою записку. Что-нибудь стряслось?

Она не обращала внимания на его слова. Она прижалась к груди любимого, жадно вбирая в себя тепло его тела и постепенно успокаиваясь. Расстаться с ним? Никогда!

– Любимая, пойдём отсюда. Не нужно, чтобы нас видели.

Поговорим у меня дома. И они поспешили прочь, а в спину им летело залихватское:

Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу три – спотыкается...

Они петляли старыми городскими проулками и улочками. ...Дома перемежались какими то сараями и заборами, по-

луразвалившимися флигелями времен чуть не Елизаветы Петровны, проходными дворами, тупичками, крошечными чахлыми садиками и еще черт знает чем.

Наконец, они подошли к дому с мезонином и жилым цоколем из гранита, явно знавшему лучшие времена. Длинный, одноэтажный, неровно оштукатуренный. У входа жалко моргал покосившийся керосиновый фонарь. Дмитрий открыл перед ней боковую дверь, почти вровень с землей, и повел ее вниз по крутым ступенькам.

И она впервые оказалась в жилище возлюбленного.

Хотя две меблированные комнатенки полуподвала в которых обитал Дмитрий, не были просторными, гостья заметила, что мебель аккуратно протерта и на ветхом ковре – ни пылинки. Окна почти вровень с тротуаром. На подоконнике – «Санкт-Петербургские ведомости» раскрытые на статье о «золотой лихорадке» на Аляске.

– Вот – мой дом. Понимаю – бедновато, – смущенно сообщил Дмитрий. Но мне повезло, что я нашел такую дешевую квартиру. Все потому, что я поладил с хозяйкой... Дмитрий внезапно осекся.

Девушка, не слушая его, отошла к окну и увидела колеса проезжающего ночного экипажа. Бедный Дмитрий! Он живет в этой конуре! Такой благородный, изящный, утонченный – настоящий столбовой дворянин! Но она не станет от этого любить его меньше. Наоборот, она восхищается его умением не бояться никакой работы. И потом, не вечно же

он будет бедствовать...

Он подошел к ней сзади и обнял за талию. Мария почувствовала его дыхание...

Кровь застучала у нее в висках, сердце билось так сильно, что готово было выскочить из груди.

– Любимый, – начала она. Мой отец...

...По мере того, как она говорила, лицо Дмитрий постепенно бледнело.

– Но это нонсенс, бессмыслица! – воскликнул он. Ставить условием завещания твой брак с этим типом! О чем он только думает?

– Он думает о моем будущем, – заступилась Маша за отца. И я его люблю за это. Но как мне теперь быть? Я не хочу выходить замуж за Корфа. Он... Он мне отвратителен!

Дмитрий, казалось, не слышал ее слов.

– Ты должна уговорить его переписать завещание. Если он один раз это сделал, то сможет сделать и другой. Тебе будет трудно, я понимаю, но все же легче, чем... потом просить милостыню.

Мария попыталась улыбнуться.

– Ну и что. Мне вообще не нужны папины деньги. Мы с тобой прекрасно обойдемся и без них.

Лицо Дмитрия стало чужим и неприятным. Девушка никогда его таким не видела.

– Тогда... Самое лучшее, что ты можешь сделать, это вернуться к своему отцу и попросить у него денег на какое-ни-

будь бриллиантовое кольцо, – с обреченной горечью процедил он. Боюсь, теперь-то мы уж наверняка не увидим ни гроша из твоего наследства...

Ведь если ты выйдешь за меня, то получишь лишь малую толику капитала! Как ты не понимаешь? Этого нам не хватит для настоящей жизни!

– Тебя так нервируют деньги моего отца?! Тебе действительно так важно их получить?

– напряженно осведомилась Маша.

– Да, – коротко бросил Дмитрий.

– Он между прочим еще не собирается умирать!!

На мгновение серые глаза Дмитрий приобрели жесткий стальной блеск. Но только на мгновение. Он улыбнулся.

– Мария, ты, наверное, считаешь меня жадным и...сребролюбивым?

Он вдруг порывисто обнял ее.

– Ты счастливая – ты никогда не знала нужды и поэтому не можешь понять, что такое жизнь без денег. Я ведь тоже родился в богатой семье – ты знаешь это! Мой отец был действительным статским советником, имел три тысячи десятин в Львовском уезде... Его прочили в товарищи министра... хотя это уже неважно. Он потерял все свое состояние когда лопнул Генеральный Русско-Азиатский банк. Это подкосило мою мать, она умерла от горячки спустя три месяца. Он не вынес этого и через год покончил с собой. После его смерти не осталось ничего кроме долгов. И я пошел в приказчики к

биржевику... К бывшему крепостному деда... – уточнил он. Работал бывало по десять – двенадцать – четырнадцать часов, не вставая из – за стола – так, что к концу дня тряслись руки и воспалялись глаза. Слава Богу получил от дядюшки грошовое наследство – но его хватило лишь чтобы с голоду не умереть... Я и в этот Горный поступил лишь потому что только в нем двоюродная бабка могла мне выхлопотать обучение на казенный счет...

Дмитрий нервно прошелся по комнате, комкая в руках носовой платок.

– Но я не собираюсь всю жизнь трястись над каждой полушкой. И я не буду нищим как какой-то... Акакий Акакиевич с его рваной *шинэлю*! Меня если хочешь знать еще в гимназии тошнило от всех этих бедных но честных героев, в конце концов умиравших с голоду и холоду! И я сделаю все чтобы не быть похожим на них! – повторил он.

– Нет! Ты ошибаешься, если думаешь, что... – прижал вдруг Дмитрий руки к груди. Что я с тобой из за этих денег! Я люблю тебя! Я мечтаю о тебе и хочу, чтобы мы поженились. И мы поженимся.

Потом Мария не могла вспомнить, с чего все началось...

Сначала она просто внимала словам возлюбленного и была полна сострадания к нему. Да, она не знала, что такое бедность. Она никогда не работала в конторе по двенадцать часов в день и не думала – что будет есть завтра. А Дмитрий действительно ее любит. Она явственно чувствует, что он не

обманывает ее. Возможно, он рассчитывает на приданое, но это не главное для него.

Теперь, когда он обнимал ее, она уткнулась ему в грудь. Да, он любит ее! Девушка больше не думала ни о папином завещании, ни о домогательствах Корфа.

И прежде чем Мария успела что либо сказать или возразить, Дмитрий обнял ее, и ладони его легли ей на грудь... Потом она поняла что тот расстегивает на ней платье...

Нет, ей не нужно позволять ему этого... Но некий голос – голос что звучит в душе всех дочерей Евы говорил что все так и надо, что ей не нужно ничего делать а лишь *отдаться* воле судьбы...

Он ласкал ее нежно и с любовью, как котенка. Машу охватила слабость и томительное волнение.

– Мария ... Мария, знаешь ли ты, как часто я мечтал о том, чтобы ты... была так близко как сейчас... Я не могу поверить... И... И... Я хочу, чтобы ты стала моей, любимая!

– Дмитрий, любимый я не могу. Я должна идти домой. Я...

Он прервал поток ее слов поцелуем. Он целовал ее... О Боже, как он ее целовал! Девушка почувствовала, как рука Дмитрия скользнула вдоль ее корсажа, расстегивая пуговицы, и дальше, внутрь... туда, где нежная, податливая девичья грудь томилась в ожидании... И сладостный огонь разлился по всему ее телу.

Он хочет меня соблазнить! А я хочу, чтобы он это сделал!

Я хочу, чтобы это продолжалось! Боже мой, пусть это продолжается...

Ее одежда оказалась на полу. Мария лежала на диване обнаженная, покорная, трепещущая в предвкушении невероятного, а Дмитрий покрывал ее поцелуями.

...Маша непроизвольно вскрикнула от страха и восторга одновременно. Дмитрий шептал ей какие то слова, задыхаясь от волнения.

– Любимая!!

Остатки здравого смысла вернулись к девушке.

– Любимый, я не могу...

– Можешь, дорогая!. Я знаю, ты этого хочешь. Ты хотела этого с самого начала, с того момента, как мы встретились. И я тоже...

Дмитрий снова стал целовать ее. Мария чувствовала, что если она позволит ему продолжить, это будет счастье. Такое счастье, о котором она и не мечтала.

Руки Дмитрия становились все более требовательными. Но она не замечала этого, охваченная счастьем быть так близко к Дмитрию, как только возможно. Их тела слились в горячем, сладостном единении.

И все, что она читала во фривольных французских книжках, померкло перед живой жизнью и любовью. Рядом с ней был Дмитрий, ее возлюбленный, которого она любила и которому только что отдала свою невинность.

Девушка закрыла за собой дверь черного хода на ключ. Щелчок замка эхом разнесся по спящему дому.

Из угла, где стоял сундук, на котором дремала Перфильевна донесся старческий вздох.

– Гуляли-с? – осведомилась кухарка.

– Гуляли, – кивнула девушка. С подружками вот засиделась...

– Что ж, дело молодое... Мы, бывалча, так-то все ночи напролет погуливали... Одна заря выгонит, другая загонит...

Уже у себя она зажгла свечу и подошла к огромному, в человеческий рост, зеркалу.

...Мария внимательно изучала свое лицо. Не остались ли на губах следы поцелуев Дмитрия? Не изменилось ли выражение глаз? Она не заметила ничего необычного, кроме яркого румянца на щеках и слегка расширенных зрачков.

Она умылась холодной водой, это взбодрило, и остатки сна улетучились. Она вспомнила извиняющийся голос Дмитрия.

– Мария, ты, наверное, считаешь меня подлецом... Но клянусь тебе, я... Я действительно хотел остановиться. Но не смог. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Мария в ответ целовала его и говорила, что все хорошо, что ей нечего прощать, он ведь не сделал ничего дурного.

Ведь все равно, в конце концов, они поженятся. Поэтому Дмитрий не должен корить себя. Она последует его совету и завтра же поговорит с батюшкой. Она добьется, чтобы он благословил их брак.

Мария не задумывалась, как. Главное, Дмитрий был рядом, а остальное как-нибудь устроится.

Дмитрий поймал для неё раннего извозчика и даже проехал с ней почти до дому.

Перед тем, как высадить Марию на углу, он прижал ее к себе и, глядя в глаза, спросил:

– Ты прощаешь меня?

– За что прощать? Мы ведь любим друг друга.

Она поцеловала его и побежала вверх по улице, зная, что он все еще смотрит ей вслед...

...Мария насухо вытерлась мягким полотенцем выходя из ванной. Может быть, попробовать заснуть? Но как тут заснешь! Ведь она стала женщиной! Она была так счастлива! Этой ночью она стала женщиной. И дело не в утраченной девственности – она даже почти не ощутила как это произошло и лишь несколько капель крови на покрывале были знаком того что случилось... Дело в другом – в том, что она почувствовала... Она воистину родилась заново! Ей казалось, что она одна такая во всем мире, и ей было так хорошо, как наверное никогда в жизни. У неё было такое чувство, что она теперь будет жить вечно и будет так счастлива, как никто в мире!

Она в конце концов задремала под утро и из царства Морфея её вернула Марта, которая внесла в комнату поднос с завтраком. Девушка, поставив его на стол доложила.

– Мария Михайловна, там... господин Корф хочет вас видеть.

– Он бы еще ночью приперся! – ляпнула Маша первое что пришло в голову. На какую-то секунду она испугалась что Корф каким-то образом узнал о случившемся с ней этой ночью прекрасном событии... Но тут же опомнилась – что это она в самом деле удумала?

– Он сказал что знает, что слишком рано, Мария Михайловна, – кивнула Марта, – но так или иначе хочет вас видеть. Он дожидается в гостиной.

– Сейчас нет и девяти. Я еще даже не завтракала во первых, я не хочу его видеть во вторых. Так что отправляйся к нему и скажи, чтобы он уходил.

Девушка улыбнулась.

– Он сказал, визит не займет много времени и он не собирается нарушать ваши планы, Мария Михайловна.

– Я не хочу его видеть, Марта. Иди и передай ему это.

– Хорошо.

Марта удалилась, шелестя юбками, но через пару минут вернулась и сказала, что господин Корф не намерен уходить, не поговорив с Машей.

– Хорошо, передай ему, что я спущусь, только сначала позавтракаю и оденусь. Если он считает возможным приходить

с визитом так рано, пусть возьмет на себя труд подождать.

Маша села за стол и придвинула к себе поднос с порриджем (так англичане называли обычную русскую овсянку) и французским омлетом, приготовленным по вычитанному в недавно купленной кулинарной книге рецепту, и чашкой кофе. Ее любимое блюдо не доставило ей на этот раз никакого удовольствия. Она едва притронулась к нему и отставила поднос в сторону.

Девушка отправилась переодеваться, потом Марта причесала ее. Она придирчиво осмотрела себя в зеркале.

– Ну вот, я готова. Я выйду к нему, а ты отправляйся к тете. Ей может понадобится твоя помощь.

Корф ждал в гостиной, удобно развалившись в кресле, как у себя дома. Он окинул Марию жадным взглядом.

И вдруг она ощутила веселье пополам с гордостью. «Ты мечтаешь обо мне? Так вот – я уже не твоя и никогда твоей не буду! Я женщина! Настоящая!»

– Доброе утро, сударыня! – он встал с полупоклоном.

– Я вижу, мой женишок считает верхом галантности являться к даме с визитом в такую рань? – сообщила она скорчив презрительную гримасу и вспоминая говорок уличных торговков и Глаши.

Корф вновь сел, лениво и самодовольно улыбаясь. Его глаза беззастенчиво изучали ее грудь, затянутую в китайскую чесучу.

– Вы прекрасны, Мария Михайловна. В гневе – особенно!

– Боже, как бы я хотела, чтобы вы оставили меня в покое! – не выдержав всплеснула она руками.

– Я бы может и сам этого хотел – но не в силах! – серьезно сообщил он. Знаете – бывает такое что самая заурядная женщина притягивает как магнит и заставляет творить невероятные безумства...

(«Заурядная! – всколыхнулась в её душе обида. Это он про меня что ли?!»)»)

– Михаил Еремеевич насколько я знаю оповестил вас о своих намерениях и содержании духовной, не так ли? – сухо осведомился он, оборвав лирические излияния. В таком случае полагаю вы уже смирились с тем, что мы станем мужем и женой?

– Не дождетесь! Я собираюсь поговорить с *pap'a* и убедить его в том, что он глубоко ошибался, относительно вас, милостивый государь!

– Не думаю, что у вас что-то получится, мадемуазель, – самым нахальным образом подмигнул он Маше.

– И тем не менее я это сделаю. В конце концов, я дочь своего отца! А *ты* всего лишь... прихлебатель!

Лицо Корфа стало каменным, но он тут же улыбнулся как ни в чем ни бывало.

– У *тебя*, невестушка, строптивый характер. Но ничего. Придется надеть на него узду... после нашей свадьбы...

– Машенька! Открой, пожалуйста. Что с тобой сегодня? С чего ты стала запираеть дверь? Или ты боишься, что к тебе явится привидение как у этого вашего Брэма Стоукера?

Мария вскочила с кушетки – к ней явилась тетя.

– Я... нет! Но честно сказать, предпочла бы визит приведения визиту господина Корфа... – неловко пошутила она опирая двери спальни.

– А, понимаю, – кивнула входя Капитолина Ивановна. Тебе очень не нравится сей субъект, не так ли? Или я ошибаюсь?

– Нет, совсем не нравится, тетя. Но – папенька... Он хочет выдать меня за этого ужасного человека! Но я никогда не пойду на это. Он...

Тетя мягко обняла Марию за плечи и нахмурилась.

– Я знаю – и про завещание тоже. Я говорила ему, что он неправ, что нельзя так поступать с тобой, что это ничем хорошим не кончится...

Но он даже не стал меня слушать. Мадам Мышко печально улыбнулась.

– Что поделать – он относится к тебе как к неразумному дитяте, которое само не понимает своего счастья. Я ему одно, он мне другое! Мужчины – невозможные создания! Ну ладно – все равно с ним сейчас невозможно разговари-

вать. Он занят делами и просил не беспокоить. Ну поешь вот французских блинчиков... Глаша приготовила.

– Мне они не нравятся, – огорченно надула губки Мария. Намешано все вместе – и сироп апельсиновый, и цедра лимонная, и ежевика – и туда еще рому! Да еще миндальное тесто прогорклое!

Тетя Капитолина лишь молча всплеснула руками.

После обеда, который подали раньше обычного, они сразу же принялись за сборы – Баранцов решил посетить Александринский театр. Нет – он не был завзятым театралом. Михаил Еремеевич вообще мало разбирался в тонкостях сценических искусств.

– Ну что мне с этих визитов и балета, – бурчал он временами. Если я чего-то не сильно понимаю так и не понимаю. Медведь сходил в театр и вынес оттуда свои пальто и галоши!

Но однако ж даже ему не хотелось быть похожими на тех старозаветных купцов из газетных фельетонов, что и грамоту знают с трудом – поэтому время от времени вывозил Марию в театры и на концерты с вернисажами.

А вот Мария театр любила – просто обожала.

Она полюбила не только самые спектакли. Ей нравились театральные коридоры с зеркалами в тусклых золотых рамах, гардеробы с солидными седыми швейцарами, перламутровые бинокли, блеск карет у театрального подъезда.

Два часа Мария время от времени бегала к тете Капито-

лине за советом, какие украшения лучше надеть: кораллы, бирюзу в серебре или медальон с аметистами. Сама тетушка, к слову, в театр не собиралась – разыгралась мигрень. Машу это не огорчало – ведь она собиралась поговорить с папой, вечером, на обратном пути из театра, и лишние уши для такого разговора ни к чему.

В душе Маши воодушевление боролось с опасениями. А что, если батюшка все-таки не поддастся на уговоры и не изменит своих намерений? И хотя она старалась отогнать от себя дурное предчувствие, прежняя самоуверенность покинула ее.

Остаток дня тянулся очень медленно. Мария пребывала в подавленном настроении, к тому же небо затянулось тучами, и стал накрапывать нудный мелкий дождик. Потом почему-то вспоминались жуткие рассказы покойной уже няньки Прохоровны о женщинах, пленённых татарами, житиях святых отшельниц и великомучениц, о разбойниках и ведьмах, о том, как ночами к неутешным вдовам и мечтательным девицам летают огненные змеи...

Наконец пришло время ехать в театр. Отец уже ждал её, облаченный в старомодный черный сюртук с бархатными обшлагами, к которому прилагался белый галстук-бабочка и зеленый атласный жилет с золотым шитьем, поверх которого был накинута клетчатый редингот. Довершал облачение котелок простецкого вида.

Их кучер Гурий называемый по английской моде грумом

уже второй день страдал от зверской ломоты в спине, и оттого они решили нанять извозчика. По дороге Михаил Еремеевич, выглядевший непривычно веселым (с ним вообще случались в последние месяцы приступы странного веселья) рассказал как однажды пошел посмотреть оперетту-буфф «Мадам Жюдик» со знаменитой мадемуазель Ривье. И собравшиеся купцы при появлении столь очаровательной дамы устроили овацию и поволокли прямо на сцену корзины с шампанским вперемешку с цветами. В итоге труппа в полном составе, включая примадонну и героя-любовника напилась в дугу, а полиция во главе с не менее чем артистка знаменитым приставом Селивановым с Сенного забрала всех в участок.

Заплатив извозчику трешницу, Михаил Еремеевич и его дочь расположились в ложе.

В Александринке давали в тот вечер «Кин, или Гений и Беспутство», со самим Первухиным-Горским в главной роли.

Большая часть действия прошла как-то мимо её внимания...

В антракте Мария с отцом прогуливались в театральном фойе вместе с остальной публикой. Она с восхищенным любопытством разглядывала гостей: элегантные кавалеры в идеально пошитых сюртуках и дорогих галстуках сопровождали своих дам, распространяющих тонкий аромат парижских духов. Глаза слепил блеск алмазов, сапфиров и жемчу-

га.

Боковым зрением она видела, как останавливаются на ней заинтересованные взгляды не только молодых людей, но и степенных мужчин в черных и серых сюртуках, беспокойных газетчиков в клетчатых пиджаках и, уж конечно, офицеров, к сожалению, немногочисленных в собрании. Девушка с удовольствием отметила, что на ее долю тоже приходится изрядное число восхищенных мужских взглядов. Надо полагать, её новое платье – купленное за двести рублей в магазине Альшванга, украшенное тонкой вышивкой имело успех.

...Раздался звонок, и они вернулись в ложу.

Девушка была поглощена своими мыслями и не услышала почти ни слова из того что говорили актеры...

Когда они вышли из театра, на улице был настоящий ливень. Сквозь потоки дождя тускло мерцали фонари, на мокрой брусчатке гулко раздавался стук копыт, скрип колес, звенел смех и гомон разъезжающейся публики.

Кинув рубль прикорнувшему на козлах в ожидании седоков бородатому мужику, Баранцов вскочил в фиакр и возница сдвинув картуз тронул лошадей.

Через пару минут девушка решила приступить к задуманному разговору.

– Батюшка, я хотела поговорить с тобой.

– Да, Марыюшка, – добродушно отозвался купец. Отчего и не поговорить!

Ты... Ты желаешь соединить мою жизнь с господином

Корфом – но я не смогу с ним жить, – начала она словно шагая в бездну. И... ну ты понимаешь... все остальное! Я... Мне отвратительна сама мысль о том, что он будет меня... будет со мной... – она запнулась, мотая головой не в силах высказать то что у неё на языке. Ты всегда – всегда говорил что рад тому что я расту не... кисейной барышней а могу жить собственным умом. *Pap'a*, ну подумай – своим намерением ты противоречишь сам себе. Ты собираешься устроить мою судьбу без моего согласия! Ты хочешь принять за меня самое важное решение в жизни! Как будто я так глупа, что не в состоянии это сделать сама!

Повисла показавшаяся ей вечностью пауза.

– А ты знаешь, доченька, – вдруг с неожиданной доброй улыбкой сказал Михаил Еремеевич. Наверное ты права – пусть так и будет. Твоя матушка перед смертью просила чтобы я разрешил выйти замуж тебе за того, кого ты сама захочешь. Не гоже наверное силой толкать тебя под венец... Может ты и сам поймешь что Виктор Петрович не так уж плох! Да в конце концов, я пока еще не собираюсь умирать – что бы не говорили эти ученые крысы со своими клистирами и стетоскопами! – он вдруг рассмеялся – совсем как раньше, когда еще была жива мама.

– Да, да! – радостно воскликнула Мария. Так ты не будешь заставлять меня венчаться? И изменишь духовную? Правда?

– Раз я обещал, значит, так и сделаю. Купец Баранцов – человек слова, да будет тебе известно, – с оттенком тоски в

голосе сообщил Михаил Еремеевич, поглаживая бородку.

Дождь все усиливался. Клеенчатый верх фиакра намок, струи дождя обдавали брызгами лица и одежду седоков. Она с тревогой посмотрела на отца.

– Батюшка, поехали быстрее, а то ты не дай Бог можешь простудиться! Эй, извозчик...

– Не волнуйся, дочка, не простужусь, – оборвал он её. Я семь лет в тайге прожил, на снегу бывало спал...

Маша засмеялась, от переполнявшей её радости. Отец собирается изменить свою волю! Она все-таки уговорила его! Теперь все будет хорошо! Так недалеко и до того чтобы он понял что сейчас не старое время, и девушки сами могут выбрать себе спутника жизни. А зачем ждать?

И она решилась...

– Папа, я хотела попросить тебя еще об одной вещи... мы с господином Подымовым все таки можем пожениться? Пусть не сейчас но скажем через год – когда ты убедишься что он не вертопрах и не...

– Пожениться? С этим твоим недоделанным Подымовым?! – лицо Михаила Еремеевича побагровело. Ты что забыла что я запретил тебе и думать об этом?

– Да, но... Я надеюсь, что если ты... Видишь ли...

Михаил Еремеевич вдруг развернулся к дочери. Глаза его свирепо блестели, взгляд стал жестким и пронзительным, благодущие улетучилось без остатка – словно его и не было.

Перед ней сейчас был злой и опасный человек.

– Я кажется понимаю... – процедил он. Ты – с ним... Так вот почему ты просила поменять завещание??! Уже и пока я содохну дожидаться не можешь, дрянная девчонка!! – взревел Баранцов раненым зверем.

– Я... Нет... Что ты папа! – но голос и лицо выдали бы Машу и не столь проникательному человеку как опытный бывалый купец.

– Ах ты дрянь такая!!!

Девушка замерла ни жива ни мертва от страха.

– Потаскуха! – ревел купец первой гильдии Баранцов как пьяный деревенский мужик. Думала, я не знаю что ты к нему бегаешь? Знал – да вот не знал – зачем!! Ты... моя дочь, бегала из дома как трактирная девка, цена которой – кружка пива да полтина??? Ты бегала чтобы с ним е... ся? Говори – он тебя вы...б? Или уже обрюхатил? Говори – этот щенок тебя обрюхатил?! – грозно прогремел он нависая над девушкой. Мария не могла вынести этого ужаса, не могла поверить в то, что Михаил Еремеевич произносил такие слова – это он то, заставлявший и после обычного грубого слова мыть её рот с мылом!

– Папочка, папочка... – лепетала она, сжавшись, как испуганный зайчонок.

Но он не слышал ее.

– ... Как ты могла ... – выл он раненым волком. Боже мой! С этим щенком паршивым... Боже мой! Моя дочь! Моя кровиночка! Как сучка драная... Слава Богу мать твоя этого

не видит! Ааэээ!

На глазах её отца выступили слезы горя – и от этого Маше стало еще страшнее – ибо последний раз он плакал на похоронах её мамы...

– Барин, барин – помилосердствуйте! – закричал ему с козел кучер, тревожно оглядываясь. Вы уж это... до места дотерпите! Не гоже на улице то... И тут Маша увидела как из пелены холодного дождя прямо на них вылетела ломовая телега....

Девушка не успела ни предупредить кучера ни даже закричать...

Сильнейший удар... Вспышка света... Навалившаяся тьма... И все исчезло...

* * *

Пять дней спустя

Капитолина Ивановна Мышко остановилась у дверей спальни. Совсем недавно оттуда вышел доктор медицины Павел Альбертович Фельцер – их семейный врач, приват-доцент Военно-Медицинской Академии.

«Положитесь на Господа» – звучали в её ушах последние слова высокоученого медика.

...Полицейский врач, который вскрывал тело Баранцова, полностью подтвердил диагноз доктора Верховцева – отец Марии и в самом деле страдал раком желудка, и вряд ли бы

прожил более двух лет. Но и их ему не отпустила судьба. Не вовремя подвернувшаяся телега, опрокинувшаяся пролетка и вот...

Ее деверь, как гласит бумага, заверенная гербовой печатью, умер на месте от «обширного внутреннего кровоизлияния» – разорвалась изъеденные канцером требуха.

Как выяснилось попутно, Баранцов последние месяцы заглушал приступы боли при помощи этого новомодного белого зелья – кокаина, которое по словам докторов не так опасно как опиум (чем и объяснялись посещавшие его приступы внезапной веселости). * При нем даже нашли табакерку с белым порошком.

Оставалось лишь благодарить Бога что Мария осталась в живых. Но она до сих пор лежит не приходя в сознание и никто не мог поручиться за её выздоровление.

А вот кучер Роман Силантьев из «Лиговского Товарищества пролеток и экипажей», и ломовой извозчик номер 654 Сидор Кукша отделались легким испугом – как и их лошади. По этому поводу в газетке «Будильник» даже тиснули фельетончик под псевдонимом А.Хинеев.

Похороны Михаила Баранцова состоялись два дня назад. Пышные, хорошие похороны – какие и пристали купцу первой гильдии. Сперва огромные дубовые двери открылись и появилась мрачная процессия – впереди шел священник с кадиллом в руках, его сопровождали певчие. Следом несколько крепких бородачей в сюртуках и цилиндрах – обслуга

из похоронной конторы вынесли массивный гроб, покрытый тяжелым покрывалом с золотыми кистями.

За его гробом шла немалая траурная процессия: старые друзья, с которыми Баранцов начинал свое дело, товарищи по гильдии, рабочие с его фабрик, домашняя прислуга, Глаша которая плакала всю дорогу от дома до кладбища(и неспроста)... В толпе но все же чуть в стороне шествовал важный бородатый старик, барон Бухгольц – вице-директор Ново-Мариинского благотворительного общества в лазоревом мундире общества с пышными позументами. (В гостиной их дома висел портрет ее отца в таком же мундире – немало денег потратил купец Баранцов на добрые дела и помощь нуждающимся). Сопровождавшие барона две старушки из «дома призрения» общества в одинаковых строгих серых платьях несли на бархатной подушечке коронационную медаль в честь царствования покойного государя Александра III и скромную бронзовую медаль «За усердие» – единственные награды Михаила Еремеевича.

Гроб установили на черный катафалк запряженный парой гнедых, на лошадей были накинуты траурные попоны с серебряными кистями...

Трое репортеров с разлапистыми фотографическими аппаратами, были тут как тут. Ведь не письмоводитель из зачуханного департамента помер и не какой-нибудь спившийся актеришка – купец первой гильдии.

Процессия остановилась на Георгиевском кладбище, воз-

ле принадлежавшего еще деду Маши участка с недавно построенным склепом. Девять лет назад тут успокоилась мать Марии а за три года до того – её маленький братик Еремей, который не прожил и недели...

Тут же возвышалась часовня во имя Архангела Михаила. Строили её лет пять, и виновником подобной неторопливости был сам Михаил Еремеевич.

– Всевышний он то подождёт, ему спешить некуда, – как-то пошутил он и дважды тратил выделенные на стройку деньги на нужды торгового дома.

Теперь Царь Небесный, видимо, решил призвать своего раба Михаила, не считаясь с планами смертного...

И тогда, на кладбище, слушая священника, Капитолина Ивановна пыталась угадать, какие мысли скрываются под бесстрастной, холодной маской на лице Корфа. Она знала о его планах относительно племянницы и сейчас пробовала угадать – есть ли под этим ледяным спокойствием страх за её жизнь? Или он намерен быстро утешится если Мария все же умрет?

Нет! Даже невозможно помыслить об этом! Смерть мужа покойной сестры она как-нибудь переживет, но если умрет Мария, ей самой останется лишь сойти следом в могилу!!

Она еле удержала рвущиеся рыдания.

...В доме стояла тишина – лишь было слышно как Перфильевна, бормоча молитвы под нос, рубит на кухне большим ножом лёд в медном тазу, хрустящие удары сопровожда-

даёт звяканье стали о медь и всхлипывания Глаши. Некстати подумалось что Глаша в последнее время изо всех сил пыталась обратить на себя внимание Михаила Еремеевича. Капитолина Ивановна даже намеревалась поговорить с глупой девчонкой и объяснить всю неуместность её надежд, и что купцы женящиеся на горничных и кухарках бывают лишь в дешёвых водевилях. И вот все решилось само собой.

За эти дни многие приходили навестить Марию и справиться о её здоровье. Её бывшие соученицы из купеческой гимназии, господин из дамского спортивного клуба «Левкиппа» где она занималась лаун-теннисом и верховой ездой, какие-то мимолетные знакомые. Разве что её ухажер – этот разорившийся дворянчик Дмитрий Подымов не появился.

Зато господин Корф навещался по два-три раза в день. Капитолина Ивановна отвечала одно и то же:

– Она по-прежнему без сознания. Доктор говорит, что есть надежда. Хотя... остается только молиться...

По мнению приват-доцента медицины Фельцера, шансов было не слишком много. Он терпеть не мог приносить дурные вести, поэтому во время разговора с Капитолиной Ивановной был хмур и нервно поглаживал бородку.

– В таких случаях результат может быть двояким. Либо пациент идет на поправку, либо... В общем если нет – тут уж ничем не поможешь.

Я делаю все, что в моих силах. А в остальном надо положиться на волю Господа.

Капитолина Ивановна готова была разрыдаться, да что там – в голос, истошно завывать, как простые бабы. Господи, ну почему ты хочешь забрать жизнь у этого юного невинного существа!

– Я приду завтра в это же время. Продолжайте растирать ее льдом. Не думаю, что это принесет много пользы, но это единственное, что мы можем сделать сейчас. Как последнее средство остается только трепанация черепа.

Капитолина Ивановна покачала головой... Это ей уже говорили, и не очень веря врачам местной выделки – все же Европа есть Европа – она за три тысячи рублей вызвала из Берлина виднейшего специалиста в этой области – профессора Августа Ромпа. Может быть, он сможет спасти её любимую Машеньку?

Капитолина Ивановна стояла перед дверью в спальню Марии, стараясь собраться с мыслями и успокоиться. Через несколько минут надо идти на кухню за новой порцией льда – Капитолина Ивановна неукоснительно следовала указаниям доктора Фельцера. Они с Мартой натирали лицо и руки Маше льдом и вливали в рот всякие декокты и настойки, растирали руки и ноги и обтирали уксусом.

Капитолина Ивановна решительным движением открыла дверь. В комнате был полумрак. Машенька лежала на кровати. Ее золотистые волосы, заботливо расчесанные Мартой, разметались по подушке. Мертвенная бледность разлилась лицу и шее...

Грудь еле заметно вздымалась – только это говорило о том, что она все еще жива.

– Марта, уже почти шесть. Пойди на кухню, пусть Глаша даст тебе поужинать. А я пока побуду с Машей.

Девушка взглянула на Капитолину Ивановну. Ее лицо было серым от недосыпания:

– Нет барыня – я лучше – ка останусь здесь.

Служанка и госпожа обменялись долгими взглядами. Затем Капитолина Ивановна взяла стул и села на другую сторону кровати.

– Хорошо. Мы обе пока побудем с... Машей.

Наступили сумерки, и Капитолина Ивановна поднялась, чтобы зажечь свет, поправить подушку, на которой лежала Мария, и принять у Глаши поднос с ужином, который она сама принесла им наверх.

Глаша всхлипнула и уткнулась в передник, сотрясаясь всем телом, рыхлым и сдобным, как те сладкие булочки, которые только она одна умела выпекать.

– Все по-прежнему – сообщила ей Капитолина Ивановна. Мне, правда, кажется, что я слышала ее стон, но я так устала, что не могу поручиться за это. Боже, как я устала...

– Вы можете рассчитывать на меня, госпожа. Я готова с радостью сделать все, что могу.

– Я знаю. Спасибо. Потом, может быть...

– Хорошо.

Глаша ушла, оставив после себя теплый аромат свежееис-

печенного хлеба.

Марта заснула, сидя на стуле, и Капитолина Ивановна жалко было ее будить. Эта легкомысленная девочка оказалась на удивление выносливой сиделкой и, не смыкая глаз, провела у постели Марии все эти пять дней. Капитолина Ивановна подумала, что со временем, как повзрослеет и остепенится, Марта сможет стать отличной домоправительницей.

Капитолина Ивановна тоже задремала. Ей приснилась златокудрая десятилетняя девочка в белом платице, которая бежала по лужайке наперегонки со своей любимой собачкой – болонкой Дэйзи. Ее вприпрыжку догоняла Марта. Михаил высунулся из окна и кричал девочкам что то веселое и...

Ее разбудил осторожный стук в дверь. Она вскочила и, еще не проснувшись окончательно, пошла к двери.

– Что случилось? Кто там?

– Сударыня, вы заснули?

За дверью снова стояла Глаша.

– Там, – уж вы простите, сударыня – опять пришел господин Корф. Уже в третий раз за сегодня. Он говорит, что хочет видеть Марию Михайловну.

– Я же сказала ему...

– Вот и я говорю, но он ничего не хочет слушать. Если уж этот человек вобьет себе что-нибудь в голову, то ни за что не отступится. Он хочет убедиться, что она жива.

– Ну что ж. Я думаю, это не причинит ей вреда. Проводи его сюда. Пусть, если хочет, увидит все своими глазами.

Корф ворвался в комнату и остановился как вкопанный. Некоторое время, дико вращая глазами, переводил взгляд то на Машу то на Капитолину Ивановну.

– Почему она у вас лежит пластом? – вдруг заорал он. Ее нужно приподнять, чтобы кровь не застаивалась и отлила от головы! Почему нет сиделки?? Не удивительно, что моя невеста до сих пор не поправилась!

– Как вы смеете врывать сюда и кричать как извозчик? Вы рехнулись! – кинулась Капитолина Ивановна оттесняя Корфа.

– Уйди прочь, мегера, – отпихнул ее Корф и запнулся – на него смотрело дуло маленького револьвера.

– Вон! Убирайтесь вон сию же секунду – ничтожный хам! Лицо Корфа потемнело, и он – солидный взрослый мужчина стал похож на злого сорванца, которому взрослые помешали мучить кошку. На пороге он на мгновение задержался и прошипел:

– Не лезь, куда тебя не просят, сумасшедшая старуха! Я никому не позволю вмешиваться в мои дела. Никому! Лучше ухаживай как следует за Машей, чтобы она поскорее поправилась. И смотри у меня! А не то я до тебя доберусь!

Мадам Мышко остолбенела. Когда она пришла в себя, Корф уже ушел.

И этот паршивец назвал её старухой?? Да как он смеет!

Это она то – старуха??? Нет – надо было его пристрелить!

* * *

Сны. Память ее распалась на фрагменты разноцветной мозаики, которые перемещались и никак не хотели складываться в цельную картину. Фрагменты. Краткие, бессмысленные, беспорядочные...

Постепенно сны становились все более беспокойными. Маше приснилось, что она пытается убежать от кого-то, кто гонится за ней по улицам странного, полуразрушенного города, среди обгорелых руин, скрываясь от толпы яростных оборванцев...

Потом ее преследователи пропали, вместо них появился Дмитрий. Его красивое лицо вдруг покрылось трещинами и стало рассыпаться на глазах.

Сны опять стали другими. Мягкими и легкими, как прикосновение лапки котенка. Мария увидела себя маленькой.

Большая лампа «друммонова света» * под матовым абажуром обливала молочным сиянием столовое серебро на столе, гардины и зеркала... Маша сидит над тетрадкой и рисует цветным карандашом, при этом мурлыкая какую то песенку без слов... Всё удивительно уютно, спокойно, и как будто издали доходя, звучал красивый голос мамы... Накапывало ощущение ласкового покоя, уюта...

Вот они на прогулке. Батюшка посадил ее себе на плечи,

и нес над толпой подгулявших обывателей. Вокруг – летняя зелень, ленты, шары, балаганы... Тут же была её мама – живая, веселая и смеющаяся. А кто этот уже взрослый мальчик в матросском костюмчике? Неужели это её братик? Но он же...

Не отдавая себе в этом отчета, Мария поднималась все выше по стенам колодца. Голоса становились все громче и впивались в мозг острыми иголками.

– ...Ты не хочешь заморить червячка, Марта?..

– ...Нет, я останусь. Наверное, она...

– ...Показалось, что она шевельнулась...

– ...Да, вот видите, снова...

– ...Господи, неужели...

Девушка сделала над собой невероятное усилие и открыла, наконец, глаза.

* * *

...Маша Баранцова сидела на кровати, обложенная со всех сторон подушками, и в задумчивости изучала тарелку с недоеденным завтраком.

Шла вторая неделя с тех пор, как она вернулась в этот мир – оттуда, где её ждали отец, мама и брат. И иногда ей приходила в голову мысль что может быть ей было бы лучше остаться там, с ними... Ведь она теперь одна одинешенька...

Тем не менее она выздоравливала. Профессор Ромп при-

ехал в назначенный срок и, кажется, несколько расстроился, что больная к тому времени уже пошла на поправку, не дожидаясь его участия. Он велел Капитолине Ивановне кормить ее куриным бульоном и жидкой рисовой кашей и прописал полный покой. Затем сварливо принял внушительный гонорар и поспешил на вокзал, чтобы успеть на обратный поезд в Берлин – лечить высокородных аристократов – всех этих «фонов» и «цу»; чьи мозги испортило вырождение и близкородственные браки – а также алкоголизм и сифилис.

Мария тяжело вздохнула, проглотив подкативший к горлу ком... Смерть отца казалась невероятной, невозможной... Казалось он сейчас откроет дверь и скажет...

Болезненная тошнота подступила к горлу, когда Мария вспомнила его последние слова, обращенные к ней... Матерная брань достойная грязного мужика! Надо заставить себя не думать об этом! Она любила папу, и он любил ее. И ничто не может этого изменить!

Было еще одно обстоятельство которое лишало ее покоя – Дмитрий. Он не приходил, не присылал узнать о ее здоровье. Почему же её будущий муж не написал хотя бы письмо? Где он? Петербург никогда не был особо здоровым местом. Вдруг он заразился чем-нибудь и сейчас умирает в больнице для бедных? Может, он просто валяется беспомощный на койке в своем подвале, не имея сил позвать на помощь?

Девушка вздохнула и оттолкнула от себя поднос. Ее уже тошнило от одного вида куриного, бульона.

Через несколько минут в комнату вбежала запыхавшаяся Марта... Мария почувствовала зависть. Марта может ходить и бегать. Или болтать на кухне с Глашей и выпрашивать у нее горячую ватрушку. А она прикована к постели, беспомощна и в полном отчаянии.

– Марта, подай мне, пожалуйста перо и бумагу. Я напишу записку а ты подожди здесь. Отнесешь по адресу и отдашь лично в руки.

Мария вскочила с постели, потянулась к чернильному прибору и... И тут же почувствовала сильное головокружение, перед глазами замелькали черные точки, как снежинки в метель. Колени подогнулись. Она очнулась лежащей на полу. Над ней склонилась испуганная Марта.

– Зачем вы встали, Мария Михайловна? – всплеснула она руками. – Вы упали в обморок! Вам нельзя вставать. Так сказал доктор. Капитолина Ивановна заругает меня если узнает...

– Не узнает – я никому не скажу – лучше помоги встать! Я кому сказала, – прикрикнула Маша. Иди сюда и помоги мне.

Через несколько минут Маша лежала в постели белая как полотно и изможденная, как будто пробежала пару верст.

– Ну вот. Я встала и сама вернулась в постель. Вечером я снова попытаюсь это сделать. И завтра тоже. А сейчас я напишу письмо.

Сочинение послания не заняло много времени. Она заклеила конверт и написала адрес.

– Ну вот, возьми. И... пожалуйста, если ты его не заставишь, не отдавай письма а постарайся разузнать, где он и все ли с ним в порядке.

Ее голос задрожал.

– Я только хочу знать, что с ним, не болен ли, не случилось ли беды какой... И на тебе десять рублей – купи чего-нибудь себе.

– Хорошо, барышня.

Марта с пониманием посмотрела на свою госпожу, улыбнулась и ушла. А Мария притянула к себе поднос и жадно, не различая вкуса, стала есть.

Марта не без труда нашла улицу, где жил этот самый Подымов. Она бежала по тротуару, погоняемая стылым ветром с Финского залива...

По мере того как она шла к цели, фасады становились все более обветшалыми и облупленными. Вывески солидных магазинов вроде чайной торговли Высоцкого, или «Цветочная мыла парфюмерной фабрики Н.А. Ротмана», сменялись на какие-то нелепые надписи вызывавшие улыбку. «Фортепьянист и роялист», «Продажа всевозможных мук», «Портной Дорофей Гриб из иностранцев». «Радикальное убийство и выведение мышей, крыс, тараканов и прочих нежелательных жильцов». * Вдоль улочек тянулись рюмочные, извозчичьи чайные, портерные, распивочные, кухмистерские, или просто заведения, украшенные лаконичной вывеской: «Водка».

Наконец Марта подошла к дому на Третьей Куликовской улице, где как сказала госпожа, жил её кавалер. Дом явно знал лучшие времена – штукатурка облезла, фундамент осел.

За домом торчали голые яблони чахлого садика.

Напротив маленькой боковой двери была свалена куча мусора – должно быть дворники несли свою службу из рук вон плохо. Марта направилась к парадному, минуя гипсовых львов, и крутанула тронутую зеленью медную ручку звонка.

Прошло довольно много времени, прежде чем дверь открылась.

– Чего вам?

На пороге стояла средних лет женщина, завернутая в долгополый малиновый халат, державшая в костлявых пальцах недокуренную тонкую папироску. В воздухе висел кухонный чад и еще какой-то несвежий, затхлый запах. Присыпанные ранней сединой волосы были заплетены в бумажные папилютки. Выглядела женщина неважно – как поношенная потрепанная шуба мещанского фасона.

– Добрый день, сударыня! – вежливо поздоровалась Марта. Я послана к господину Подымову. Он живет здесь, не так ли? – тщательно подбирая слова сообщила горничная.

– А вы, любезная, кто будете? – хмуро осведомилась тетка, обдав её застарелым перегаром и табачным дымком.

– Я Марта Роот, прислуга в доме купца первой гильдии Баранцова – сухо сообщила девушка.

– Марта значит, – тетка пожевала губами словно в раздумье. Из чухонцев? А по-русски Марфа, так?

Марта молча кивнула.

– Ну а я вот буду Фотиния. Фотиния Климовна Дольник – вдова коллежского регистратора Дольника. Здешняя стало быть домовладелица...

– Господин Подымов ведь тут живет? – как можно больше тверже осведомилась Марта, не имевшая желаний слишком долго продолжать разговор.

– Так он уже не живет.

Марта невольно охнула.

– Да ничего страшного, – успокоила ее Фотиния Климовна. Говорю – у меня не живет. Жил, – отрывисто уточнила госпожа домовладелица. Что верно то верно – жил. Уехал сударь Подымов. Почти три недели назад. В один день собрался, и сел на пароход. Кажись в Гамбург. Сорвался как ошпаренный...

– В Гамбург? А зачем?? – растерянно осведомилась Марта.

– Да мне-то откуда знать? – непритворно обиделась женщина. Он мне между прочим задолжал – и деньги и... – неприятная змеиная улыбка тронула вялые губы – еще кое-что, что мужчины обычно норовят всучить нашей сестре за даром...

– Вот как! – пробормотала Марта в легкой растерянности. Марья Михайловна вот послала меня узнать, что с господи-

ном Подымовым, не болен ли он...

– Ну за это, милочка, можно не беспокоится, – многозначительно усмехнулась квартирная хозяйка – три недели тому он был здоров, как бык. Могу сие засвидетельствовать! – она опять неприятно улыбнулась. Кстати, – спохватилась она – он оставил у меня письмо – как раз для твоей госпожи, милочка, и попросил его отправить. Я еще не успела это сделать, так что если ты действительно пришла от этой... мадам Марии, то я отдам его – так и быть. Подожди немножко, милочка... Женщина вскоре вернулась с конвертом.

– Вот оно.

Марта взяла письмо, принужденно улыбнулась.

– Благодарю, госпожа Фотиния!

Губы женщины в ответ тоже расплзлись в невеселую улыбку.

– Не стоит благодарностей. Лучше бы, Марфуша, твоя хозяйка вернула мне те семь рублей с полтиной которые этот господинчик кроме всего прочего остался мне должен. Ха! – она затянулась папироской. Вряд ли я увижу эти деньги когда-нибудь. Да и его самого. Про него-то не особо жалею – а вот полуимпериял целый – это беда... * Марта нахмурилась и, не простившись, направилась прочь, прикидывая – где тут ближайшая станция конки.

Остановившимися глазами Мария смотрела на четвертушку дешевой бумаги. Дмитрий бежал. Уехал. Исчез.

Перед глазами плясал его ровный, аккуратный почерк.

«Любимая моя Машенька, я чувствую себя последним подлецом, оставляя тебя после того что случилось между нами. Но прошу – пойми и прости. Я попросил свою квартирную хозяйку отправить это письмо и надеюсь, что оно благополучно попало к тебе в руки. Я не говорю о воле твоего отца – но я намерен доказать что он не прав.

Я собираюсь разбогатеть, Маша и поэтому отправляюсь на Аляску. Я чувствую, что мне должно повезти. В конце концов – чему-то я выучился в этом Горном институте? А потом я вернусь в Россию, осыплю тебя золотом, мы поженимся и будем жить счастливо. Любимая, пойми, я не могу всю жизнь чувствовать себя твоим бедным родственником и не иметь возможности дать тебе все, что ты только пожелаешь. Прошу тебя обо одном – лишь дождись меня...».

Письмо на этом не кончалось, но у Марии не было сил читать дальше. Она вспоминала его руки, такие страстные и *умелые*, его тело, его глаза... Девушка поймала себя на том, что яростно сжимает в руке злосчастное письмо... Ровный знакомый почерк изменился до неузнаваемости и поплыл перед глазами. Он отправился на эту дьявольски дале-

кую Аляску, что лежит на другом краю света! Он хочет пересечь океан и целый континент, горы и ледники и стать золотоискателем как её покойный отец. И не собирался возвращаться до тех пор, пока не разбогатеет. Мария заплакала. Ведь могут пройти годы, прежде чем любимый вернется!

...Она не помнила, как закончился этот день. Она заставила себя поужинать, встать с постели и сделать несколько шагов по комнате – не может же она провести оставшуюся жизнь в постели.

А вечером зашла тетя Капитолина и сообщила, что на завтра назначено оглашение завещания.

* * *

На следующий день все собрались на оглашение отцовской духовной в кабинете отца – большой комнате, отделанной мореным дубом и пропахшей кожей и крепким табаком. Большой стол, керосиновая лампа с зеленым абажуром, книжные шкафы под потолок. Книг тут было много и вовсе не для красоты – Михаил Еремеевич может не все но многие из них прочел. Девушка тоже любила читать, а отец бывал в кабинете нечасто – поэтому он давно стал ее любимым местом. А теперь ей было невыносимо видеть все это и знать, что папенька больше никогда не войдет сюда! В помещении собрались все домашние.

Слуги – Марта, Глаша, дворник Андрон ради такого слу-

чая надевший свои медали, и другие – они тоже были приглашены – ведь и им хозяин что-то оставлял. Их лица, как заметила Мария, были торжественны и серьезны.

Тут были и душеприказчики – два партнера отца по торговым делам – вырицкий купец Антип Ефремов, и белобрысый светлоглазый торговец тканями Иван Руммо – из обрусевших финнов.

Лишь Корф заставлял себя ждать – с утра он был на бирже.

Нотариус Самуил Аронович Гольдштейн был сух и коректен – он вот уже пятнадцать лет был поверенным отца и ничего не могло его смутить в исполнении своего профессионального долга.

Наконец Корф появился. На нем был элегантный сюртук, который плотно облегал его сильное, хотя и хотя огрузневшее за годы конторской жизни, тело. Нотариус начал:

– Теперь вы появились, господин Корф, и я могу...

– Приступайте, – бросил Виктор Петрович.

Маше было не по себе от его взгляда. Он смотрел на нее, как на свою собственность – и увы – имел на это основания.

«Я, Михаил Еремеев Баранцов, находясь в здравом уме и твердой памяти и желая сделать распоряжение относительно наследования моего имущества, движимого и недвижимого...»

Она не слушала. Зачем? Последняя воля отца была жестокой, несправедливой, бессмысленной. Но батюшка умер

прежде, чем успел изменить то, что написал как она верила по ошибке – и ничего теперь не поделаешь.

Гольдштейн закончил читать. Лицо Корфа было по прежнему бесстрастным.

Маша поднялась, не в силах больше выносить происходящего.

Произнеся какие то обычные в таких случаях ничего не значащие слова она вышла из кабинета.

Батюшка умер, а его последняя воля продолжала жить и избежать её было невозможно. Девушка добрела до лестницы и схватилась за перила, чтобы подняться к себе наверх и побыть в одиночестве. В это время кто-то поймал ее за руку.

– Мария Михайловна! Вы куда?

Это был Корф. Она слышала голоса в кабинете и с ужасом подумала, что все домашние еще там, в том числе слуги, и никто не придет ей на помощь.

– Пожалуйста, Виктор Петрович, сделайте милость – оставьте меня...

Она пошатнулась – не обопрись она рукой о стенку – определенно бы упала.

Корф схватил ее и поднял на руки.

– Вы вижу плохо себя чувствуете? Я же говорил вашей тетке, чтобы она получше смотрела за вами. Вы того и гляди брякнетесь в обморок!

Маша готова была закричать от отчаяния и беспомощности. Хоть у неё все плыло перед глазами, но собрав остат-

ки сил, она уперлась рукой в его грудь, изо всех сил отпихивая. Но все еще слабая, не могла сопротивляться грубой силе Корфа, который легко внес ее в спальню и уложил на кровать.

– Вы не смеете! Оставьте меня! Я больна! – повторяла она невпопад. И вообще – вы не имеете права переступить порог моей спальни!

– Скажите на милость – вы вспомнили о приличиях! – зло хохотнул он. Не поздновато ли? Да собственно кому же еще быть в вашей спальне кроме меня? Тем более что ваш любовник бросил вас.

– Мой... любовник? – пробормотала она всё еще ничего не понимая. Да как вы смеете?!

– Да не отпирайтесь – не стоит оно того, мадемуазель *Marie!* – ослабил Корф. Этот сопливый мальчишка Подымов исчез неизвестно куда. Соблазнил вас и бросил. Вот такая-с оперетта! Марья Михайловна, – с улыбкой продолжил Виктор Петрович. Заметьте, я не устраиваю безумных сцен и не гоняюсь за вами с кинжалом как в любимых вами идиллических *пюесках* и водевилях. Нет, разумеется я огорчен тем, что ваша... – ехидная улыбка тронула его губы – самая большая драгоценность досталась другому. Но если посмотреть на это дело философски, то можно найти и светлую сторону. Во первых – теперь кроме меня у вас нет вариантов – ибо невинность в наших купеческих семьях слишком ценится. Во вторых... Во вторых, – он нахально подмигнул Маше, –

вы получите возможность понять и оценить разницу... – он сделал многозначительную паузу, – разницу между настоящим мужчиной, умеющим обращаться с женщинами и ничемным юнцом, весь опыт которого – это дешевые кокетки и потасканные горничные. Ну а в третьих... В третьих, – он понизил голос и в глазах зажегся похотливый огонек. Я скажу что хочу вас... *тебя* – поправился он – еще больше чем раньше!

Когда он ушел Мария залилась слезами.

Но как же она ненавидит Корфа! Сейчас – намного больше чем пять минут назад. Начни он браниться или угрожать – она бы поняла страдания ревнивого влюбленного. Но вот так... Чужой жеребчик покрыл его кобылу – ну так не убудет от кобылы! Зато смиреннее станет!

Девушка почувствовала, как в животе проворачивается тошнотворный комок и её жестоко и неудержимо вырвало прямо на голландские простыни.

* * *

Глаша принесла ужин. Девушка с отвращением сперва оттолкнула от себя поднос, но голод взял свое, и она съела половину порции жареной трески с тушеной капустой.

Её по прежнему мутило... Она с силой надавила на виски, голова раскалывалась. Тем не менее она выбралась из под одеяла и встала с постели. Голова закружилась, но Мария,

выждав, пока приступ пройдет, зачем то сняла рубашку и подошла к большому зеркалу.

Мария внимательно осмотрела свое обнаженное тело и не без удовольствия отметила, что, несмотря на болезнь, оно по-прежнему красиво. Небольшая изящная грудь с остро торчащими сосками, тонкая талия, расширяющаяся к животу благородной лепки линия бедер. Глаза ее задержались на животе, плоском и гладком. Скользнули ниже...

Она испуганно вскрикнула.

Что же это будет?! Выходит так что тело её уже не будет ей принадлежать а станет полной собственностью этого мерзавца, этой похотливой скотины – Корфа! Он будет делать *это*... С ней!!! Каждую ночь! Нет – такое невозможно представить! В ужасе и отвращении Маша спрятала лицо в ладони.

От горьких мыслей её отвлекли шаги в коридоре. Она быстро надела сорочку и залезла под одеяло.

– Машенька, ты не спишь? Можно войти?

Это была тетя Капитолина. Когда она открыла дверь, Мария как ни в чем не бывало сидела среди подушек с томом Эжена Сю в руках.

– Маша, с тобой все благополучно?

– Все хорошо, тетя. Я просто... немного расстроилась во время чтения завещания.

Капитолина Ивановна кивнула.

– То-то я смотрю ты держишь книжку вверх ногами. Ну

я тебя могу понять. На твоём месте я бы тоже расстроилась. Я решительно не понимаю, почему твой батюшка – царствие ему Небесное! – написал такое завещание. Но ничего не поделаешь, нам остается только выполнить его волю. Хорошо еще, что есть отсрочка – траур как никак.

– Тетя, мне не нужно никакой отсрочки – ни пяти месяцев ни даже пяти минут! Я никогда не выйду за этого... Корфа! – вскрикнула Мария..

Капитолина Ивановна выдержала паузу и сказала:

– Машенька – что тебе сказать? Я понимаю тебя – я в конце концов сама выходила замуж за человека которого не любила. Но вот жива как видишь! И потом – как бы то ни было, дорогая племянница, я считаю своим долгом напомнить, что деньги – не последняя вещь в этом мире.

– Деньги?! – воскликнула Маша. Не нужны мне эти проклятые деньги...

Тетя Капитолина сурово сдвинула брови.

– Машенька, ты никогда не жила в бедности, поэтому не знаешь, что это такое, не знаешь, как может быть тяжела и ужасна жизнь без средств к существованию. Насколько я не одобряю господина Корфа, настолько же думаю, что тебе следует принять волю отца.

– Но...

– Не спеши что-то решать. Прежде подумай хорошенько.

Тетя Капитолина вышла из комнаты.

Девушка подождала, пока за ней закроется дверь, и зары-

лась головой в подушку. «Дмитрий, если бы ты был со мной, мне было бы так легко и спокойно. Но тебя нет. Я одна. И не знаю, как мне жить дальше!»

* * *

– Что сказать... Не могу вас обрадовать, Марья Михайловна. Если духовная должным образом составлена и назначен душеприказчик, то дело весьма и весьма непросто поправить.

Один из самых знаменитых присяжных поверенных Санкт-Петербурга Иван Иванович Шумков, смотрел на нее с неподдельным сочувствием. Он был похож искренен, но почему-то и его холеное лицо и роскошный интерьер кабинета с дорогими английскими кожаными диванами и монументальными дубовыми шкафами в которых выстроились золоченые корешки томов Свода законов Российской империи, разнообразных уложений и сенатских постановлений вызывал у неё непонятное раздражение.

– Но ведь главная наследница – я! – воскликнула Мария, чувствуя как сжимается сердце.

Визит к Шумкову стал первым, который она сделала когда более-менее оправилась. Даже на могилу отца не поехала – тем более доктора предписывают не волноваться. Но как тут не волноваться?

– Ну что вам сказать, сударыня, – вновь произнес Шум-

ков. В праве Российской империи есть целый раздел что занимается наследственными делами, и процессы, бывает, длятся годами...

Законные дети, родившиеся в законном браке являются само собой первоочередными наследниками, но наследственные права их не являются безусловными. В вашем же случае... – Иван Иванович со вздохом поправил пенсне в золотой оправе.

Вы конечно могли бы оспорить завещание на основании того что батюшка ваш был так сказать не совсем в здравом уме. Но дела такие долгие и кляузные. Доктора, свидетели... – и доказать что-то будет трудно. Скажу откровенно – если бы я оказался в вашем положении, сударыня, я бы не взялся судиться. Ваш отец мог ошибаться *по-человечеству* но с точки зрения закона он был в своем праве.

Девушка удрученно молчала.

Как она помнила, у Шумкова была репутация человека исключительно честного, который не опускается до того чтобы лгать клиентам и запутывать их – дабы вытянуть гонорар; и если дело безнадежно – он сразу об этом предупреждал.

Придя домой Мария заперлась в комнате и долго, тихо плакала...

* * *

Георгиевское кладбище с окрестными лугами издавна бы-

ло местом гуляний, питерского люда, кой посещал его на храмовые праздники и родительские субботы. По старинному обычаю в престольный праздник Георгиевской церкви перед воротами кладбища окропляли святой водой домашнюю скотину. Множество народа собиралось в день иконы Смоленской Божией Матери, * когда большой крестный ход шел через все кладбище от Петербургских до Чернавских ворот и далее в деревню Исаковку. По окончании обедни толпа торговцев, большей частью с лакомствами, раскидывала у кладбища свои палатки. Появлялись фокусники, бродячие музыканты, громадная толпа нищих и калек. Тут же на поле располагались со своими жожаками ручные медведи, и жожаки вызывали желающих за плату в двугривенный побороться с «мишенькой»; среди поминальщиков бродили цыганки в пестрых платьях, предлагая погадать.

Для многих мещан да жителей предместий, посещение могилы являлось всего лишь поводом для прогулки на колесном парходике по Неве. На могиле обычно сидели полчаса-час, а потом шли на большой луг, еще свободный от крестов и намогильных памятников, и здесь поминать «дорогих усопших»; на лугу собиралось множество люду всех сословий, и эта людская масса пела, плясала, водила хоробы. К вечеру поминающие напившись устраивали драки, и нередко бывало так, что с этого луга они попадали прямо на кладбище...

И сейчас через этот луг, не обращая внимание на редких

прохожих, шла обычная девушка, каких в Санкт-Петербурге сотни тысяч – по виду небогатая мещаночка. Черное старое платье и черная косынка на голове – явно еще носит траур. Дочь, а может даже и вдова – смерть не щадит ни родства ни возраста.

Она специально выбрала это платье – самое скромное из тех что было в сундуках тети – ибо в месте где все равны, приличествует скромность.

...Даже в детстве Маша не отличалась особо глубокой верой.

Все же сейчас не замшелый «осьмнадцатый» а то еще семнадцатый век, а время керосиновых двигателей, воздушных и подводных кораблей, могучих пароходов в считанные дни пересекающих океаны и электричества.

Михаил Еремеевич ходил на службы и молебны лишь по большим праздникам – да и то как ей все чаще с годами казалось – лишь по необходимости ибо положение обязывало. Если же кто-то из его знакомых заводил разговоры о вере, он отмалчивался, или отвечал короткой присказкой, что мол церковь не в бревнах а в ребрах.

Мама водила её в храм, но мама давно лежит в земле. А тетушка Капитолина Ивановна воспитывалась как-никак в вольнодумные шестидесятые. Так что Маша даже на пасхальных каникулах – когда их, гимназисток, распускали на неделю, чтобы они могли говеть – исповедоваться и причащаться, выбирала для говенья окраинные церкви – тамош-

ние священники не очень следили за тем, чтобы говеющие гимназистки посещали великопостные службы. А на крайний случай можно было пожертвовать на храм рубль-другой и святые отцы вновь становились невнимательными и снисходительными.

Но все же грубый атеизм и материализм каким щеголяли иные из её сверстниц был ей чужд. Дарвиновская обезьяна, которой новый век заменил ветхого Адама, не слишком-то её вдохновляла. Она даже написала в альбоме своей подружки Насти Красиной, выведшей на первом странице знаменитые слова немецкого философа «Бог умер. Ницше» игривый ернический ответ на сию мысль – «Ницше умер. Бог».

И вот теперь она шла мимо памятников упокоившимся тут, бормоча про себя слова молитвы. Воистину – то что она пережила лишний раз подтверждало – «Все в руке Божьей»

Машинально взор её время от времени останавливался на памятниках и надгробиях. В этой части кладбища они были все больше старые – еще начала этого века а то и конца прошлого. Колонны, саркофаги и плиты со старославянской вязью...

На мраморном саркофаге, стоящем на могиле бронзовых дел мастера купца Трасилова родившегося в 1765 году от Рождества Христова и умершего в 1823, церковнославянской вязью было выведено простое и короткое

«Будь счастлив, пока ты живой...»

Еще одна могила молодой женщины была украшена отда-

ющим залихватским юмором напутствием: «Пока жива была, ты не ценил меня, мой милый. Как умерла – то, хоть цени, хоть не цени, мне все равно, мой милый...»

Вот надгробная надпись профессора словесности Щербатова Ка Эн: «Прохожий, ты идешь, а не лежишь, как я. Пойди и отдохни на гробе у меня. Сорви былиночку и вспомни о судьбе. Я дома. Ты в гостях. Подумай о себе. Как ты, был жив и я, Умрешь и ты, как я...»

Девиче Елене Топоровой кто-то из родных оставил такие прощальные строки: «Наша жизнь без тебя, Словно полночь глухая В чужом и безвестном краю, О спи, наша Аленушка, спи, дорогая, У Господа в светлом раю».

Тихий, робкий, протест потрясенного сознания пробивается сквозь слова эпитафии купцов Чердохлова: «Вот здесь холодная могила отца и мать сокрыла. Божий гроб ваш закидан землей, белый крест, водруженный над вами, освящен он сердечной мольбой, окроплен задушевной слезой. Пусть вы в могиле зарыты, пусть вы другими забыты, но на призыв мой, родные, вы, как бывало, живые, тихо встанете надо мной».

А вот надпись на скромном памятнике Косте Роеву «Покойся, дитя дорогое, Только в смерти желанный покой, Только в смерти ресницы густые Не блеснут горячей слезой...»

Памятник поставлен безутешными родителями. Как и этот: «Последний подарок дорогим детям Пете и Женечке Мельниковым. Спице, милые дети, крепким сном. Вечная

память».

Место неизбывной горечи и вечного покоя. Не зря в древнем славянском языке его называли «жальник» – ибо кто не ощутит тут жалости к покинувшим сей мир.

Вот и тот уголок кладбища куда она стремилась.

Огороженный витой чугунной оградкой ей по пояс участок. «Родовое поместье» – как шутил иногда её отец. Недостроенная часовня на которой уселись три вороны.

И ряд каменных крестов.

Слева – старые могилы маминой родни – деда, бабушки, тетки и дяди. Справа – могила мамы и братика. И между ними – тяжелая плита исчерна – зеленоватого с искоркой олонецкого лабрадорита. На ней – восьмиконечный крест и выбитые зубилом и чуть небрежно зарихтованные – работу пришлось делать второпях – буквы.

«Баранцов Михаил Еремеевич, купец I гильдии. 1848-1897»

Вот и все...

Присев рядом на скамейку, она молча слушала шум ветра, и карканье ворон, видать, решивших поселиться в часовне...

Невдалеке у свежевырытой могилы устроились два кладбищенских служителя – оба в одинаковых черных поддевках и картузах, и в старых сапогах. Разложив на рыхлом холмике платок, они выложили на него четверть ситного и пару луковиц, вытащили скляницу с чуть мутной жидкостью. Один был постарше – с сивой бородой, второй – рыжий и усатый.

Не замечая Марию, они громко обсуждали свои могильные дела.

– Намедни графиню Блудову хоронили – Настасью Львовну... – говорил рыжий, утирая подбородок. Там племяш расщедрился – по три целковых дал – эвон как наследству-то небось радовался.

В Питер то старушку – слышал – привезли в вагоне ледяном, для *устрицов* – замороженную как семгу стало быть... Из ентого... Баден-Бадена! Небось не думала когда устрицы едала что так обернется.

– Да – а мой батюшка ейного батюшку хоронил... – вспомнил бородач. Так вспоминал что Льва Львовича-с с имения привезли честь по чести – не с устрицами какими а на тройке кровных коней да в возке приличном и во гробе дубовом с серебряными гвоздиками да накладками. Еще лекарем домашним *бальзамованный* – и крепко бальзамованный: так что почитай и не подгнил за месяц то дороги...

Богатые были похороны!

– Что да то да, – согласился молодой могильщик. Нынешние то жидковаты против прежних...

– Дык оно и верно. Вот памятаю сам мальцом был – майор лейб-гусарский помер – на дуэли до смерти убили. Так завещал чтобы как в могилу класть будут, хор цыганский пел да цыгане плясали...

Батюшка то твой как? – сменил старый тему.

– Жив, слава те-Господи, да здоров – для своих то годов,

Сидор Прохорыч. Ну дык ему то *осемьдесят* будет на Ефимия, а дед мой так вообще девяносто с лишком прожил, на-те-ко! Вот уж был кремень. В солдатах был, турок бил, поляков бил, шведов бил, Бонапартия бил, в унтеры вышел. Троекратно ранетый... Трёх царей да царицу пережил – на-те-ко! Спина от палок полосатая аж стала! А вот на девятом десятке еще и батюшку моего когда тот кубышку на корову отложную пропил вожжами отходил...

Усатый довольно крякнул, допил водку...

– Давай еще!

Закончив, они степенно взяли лопаты как солдаты ружья «на караул» и ушли, топая по влажной земле порыжелыми сапогами.

Маша порывисто вздохнула. Вот тут же, в оградке, лежат её дед и бабка, да иные сродники, которых она не видела.

О деде – Крындине Иване Борисовиче она знала немного – то что говорила тетка да Перфильевна, выросшая в его доме сирота. Знала лишь что родился он в 1792 году, и был записан в мещане Новгородской слободы. Был женат на Федосье Антоновне – урожденной Корытиной. Жили они на Покровской улице в собственном доме – так где ныне рабочие казармы фабрики Гужона. Матушка её – Калерия Ивановна Крындина была предпоследним ребенком от этого брака. Иван Борисович умер 10 декабря 1870 года – почти за десять лет до рождения Маши и был похоронен на этом кладбище, где ранее была похоронена его жена и её бабка

Федосья, умершая 20 апреля 1870 года. Четверо из шести детей купца Крындина умерли при его жизни. Дядя Маши и брат мамы – Хрисанф Иванович погиб в возрасте тридцати четырех. От Перфильевны она знала что его зарезали разбойники, когда он возвращался с выручкой с Макарьевской ярмарки *. Второй сын – Никифор был капитаном и погиб в море на корабле, который был снаряжён на деньги отца. Младшая из сестер – Василиса вышла замуж за дворянина, но умерла при родах. Матушку Маши – Калерию – унесла скоротечная чахотка – всего лишь поначалу легкая простуда, выскочила на улицу без шубейки в питерскую позднюю осень – а вот поди ж ты... И лишь самая старшая – Капитолина, одинокая вдова была жива до сих пор.

Она одна выходит и осталась в мире у Маши... Она и её тайный муж если не перед людьми то перед Богом – Дмитрий, бежавший за призраком богатства от любви – от неё...

Но сейчас она не думала о нем, изменившим ей с золотой Аляской. Она вспоминала отца. Не повседневность, – его чуть суровую доброту и внимание, не детство – когда он был еще молод и весел и счастлив рядом с мамой и маленькой дочкой... В памяти всплывали какие-то бессвязные мелкие обрывки – словно ничего не было их важнее.

Вот они едут в дорогой наемной коляске, и Михаил Еремеевич вдруг словно вспомнив что-то приказал кучеру.

– Направо, налево. У рынка – стой!

Они у Васильевского рынка – перед ними майский Петер-

бург весь в прекрасном утреннем освещении, в легкой дымке... Вот разве что столпившиеся тут бедно одетые детишки с родителями приведшими сдавать своих чад в услужение и учебу выглядят невесело...

Отец подходит к ближайшей лавке, и положив руку на короб с пряниками, спрашивает у выскочившего приказчика:

– Это у тебя, пряники стало быть?

– Пряники, ваше степенство! Чистый мед!

– Что стоит короб?

– На мелочь по фунтам продаем.

– Я мелочным товаром брезгую, – изрекает купец Баранцов, хмурясь в бороду. Смекни что целиком стоит?

– Эээ, целковых... сорок будет, – озадаченно смотрит на него приказчик, переводя взгляд с лубяного короба на папу, и на Машу – не иначе прикидывает – неужто такая маленькая девочка может слопать столько пряников?

– Бери полста, – сунул парню две бумажки по двадцать пять рублей Михаил Еремеевич.

А теперь бери пряники да оттащи детишкам что на площади! – рявкнул он по медвежьи. Да чтобы все раздал – смотри у меня!

... Зимний февральский вечер. Ей уже почти тринадцать (Господи – совсем кажется недавно!).

Тетушка давно уложила её спать да и сама отошла ко сну. А вот гости собравшиеся у батюшки – сплошь солидные важные люди из Купеческого клуба, дельцы и биржевые завсе-

гдатаи все не унимаются – веселятся, пьют, возглашают то-сты – сегодня годовщина организации какого-то синдиката – и до России дошла эта американская мода.

Осторожно, босиком ступая по холодным половицам, Маша пробирается к дверям гостиной с задней половины дома и заглядывает в замочную скважину.

Увиденное её крайне изумило. За расставленными буквой «П» – «покоем» – столами, уставленными разнообразной снедью и опустошенной по большей части посудой, расселись раскрасневшиеся, стянувшие сюртуки с медалями и знаками именитых граждан, мануфактур-и коммерции советников* а кое-кто и с орденами, и оставшиеся в рубашках и жилетках... И вместе с сюртуками и смокингами они словно сняли с себя еще что-то и стали обычными российскими мужиками...

Сейчас они, уже выпив и закусив, веселились, как принято у русского человека...

Выстроившись наподобие церковного хора, место дирижера коего занял обладатель воистину протодиаконического баса (как Маша знала – он и был диаконом питерской староверческой церкви) – Антип Харитонович Ефремов.

Он воздел к потолку обе ручки, в одной из которых был зажат серебряный разливной половник, и отдал команду взмахнув им.

И пятеро солистов, среди коих был и её батюшка затянули на мелодию «Арии варяжского гостя» из оперы «Садко»:

В пещере каменной нашли стаканчик водки,
Цыпленок жареный лежал на сковородке.

Эх, мало водки, мало водки, мало водки! – взгремел
остальной хор

И закуски тоже маловато!

Новый жест и новый куплет:

В пещере каменной нашли бутылку водки,
Ягненок жаренный лежал на сковородке.
Эх, мало водки, мало водки, мало водки!
И закуски тоже маловато!

И опять Антип Ефремов взмахивает серебряным половником – словно регент хора или дирижер – и на диво слаженный – как на клиросе – хор продолжил.

В пещере каменной нашли бочонок водки,
Теленок жареный лежал на сковородке.
Эх, мало водки, мало водки, мало водки!
И закуски тоже маловато!

Не выдержав, Никандр Глебович Бугаев – хлеботорговец и товарищ отца по Первой гильдии, сорвался с места, запрыгнул на стол, и принялся отплясывать на нем вприсядку.

А хор невозмутимо выводил:

В пещере каменной нашли источник водки,
И мамонт жаренный лежал на сковородке.
Эх, мало водки, мало водки, мало водки!
И закуски тоже маловато!!!*

Тут вошел лакей и доложил об Степане Степановиче, как знала Маша – важном московском фабриканте и коммерсанте.

– Ведь сказано: никого не пускать, – отвечал Михаил Еремеевич.

– Очень просят.

– Не видишь – веселье у нас. Так что где он прежде был, пусть туда и убирается...

Лакей унесся прочь, и Маша тоже убежала к себе в постельку, где и устроилась, поджав продрогшие ножки и зарывшись в одеяло.

Почему то что она увидела показалось ей удивительным и необычным – и долго потом, глядя на важных лиц бывавших в их доме или просто встречавшихся на улице – генералов, чиновников, профессоров, она представляла – что если и те, временами, за закрытыми дверьми сняв дорогие пиджачные пары и вицмундиры тоже так развлекаются, распевая лихие озорные песни или отплясывая «русскую»?

А еще вспоминалось совсем недавнее – лишь год минул.

– Да понял я Машенька – чего ж не понять – не дурак твой батька! Ты прямиком в купчихи метишь – на свое дело замахнулась.

– В купцы, батюшка, в купцы – с улыбкой поправила Мария.

– В купчихи сталбыть... – хитро прищурился Михаил Еремеевич словно не слыша возражения. Добро, что хоть не в курсистки или медички или еще кого. Дело свое открыть, значит, думаешь. Дело если с какого-то конца поглядеть так и не такое чтобы плохое, да только... – он задумался. Только знаешь – дело-то может оно и свое – да только не твое, – не очень понятно скаламбурил он. Вот скажи, – продолжил он, – а много ли ты купчих знаешь? Тех, кто бы делами серьезными ворочал – не пирогами торговать или харчевню содержать паршивую. Аль зонтики шить, как эта Вера Павловна из этого вашего «*Што* делать», где князь на гвоздях спал? – дурашливо ослабил ее батюшка.

Маша на секунду опешила – Михаил Еремеевич книг не чуждался но что-то она не помнила в их библиотеке знаменитое сочинение Чернышевского.

...Разговор происходил в здании Петербургской фондовой биржи, которую какой-то из поэтов читавших свои стихи в собрании молодых гимназисток назвал «Храмом Златого

Тельца среди святынь Северной Пальмиры».

Многозначительные разговоры вполголоса в кулуарах аромат сигар и дорогого трубочного табака, роскошные ландо у парадного...

Рабочее место купца Баранцова являло собой кабинет со стеклянными стенами где кроме отца сидели за длинными канцелярскими столами три маклера в черных сюртуках.

Торги на бирже велись по двум большим разделам – товары и ценные бумаги.

К разным акциям и облигациям Баранцов не питал доверия – а вот товарами подторговывал.

Через стекла его конторы был виден торговый зал с несколькими большими черными досками – почти как в гимназическом классе. Шустрые служители в желтых ливреях сновали туда-сюда и мелом чертили сообщения о лотах и котировке.

Баранцов время от времени отдавал вполголоса распоряжения, и сидевший тут же юный посыльный бежал в торговый зал, передавая записки распорядителю торгов.

Иногда Михаил Ефремович отдавал курьеру пояснения, вроде:

«Керосин Нобеля, тысячу пудов берем» или «Катанное юзовское железо, лот номер двести пять – подожди пока упадет до семнадцати».

И вот сюда и пришла дочь купца Первой гильдии Баранцова Михаила Еремеева сына, не далее как месяц назад за-

кончившая 2-ю Санкт-Петербургскую купеческую женскую гимназию, и теперь надумавшая как жить дальше.

Именно об этом она только что сообщила батюшке.

Она не хочет прожить жизнь пустой говорящей куклой, и раз уж она у него единственная дочь, то должна научиться управлять семейным делом – чтобы помогать отцу а потом когда-нибудь и стать во главе торгового дома «Баранцов и К».

И, похоже, ошиблась.

– Так много ли купчих знаешь? – повторил он вопрос.

– Ну как же – тетя Васса Железнева например, – вспомнила она приезжавшую к ним не раз хозяйку волжского пароходства – та была очень приветлива с ней и отцом, и даже ходили слухи что еще нестарая вдова имеет с промышленником Баранцовым не одни лишь деловые интересы, а еще и амурные.

– Ну а еще вспомнишь кого?

Мария запнулась – ибо кроме госпожи Железневой навскидку назвать никого не могла.

– А... Кабаниха! – пробормотала она в некоторой растерянности.

И тут же поняла что ошиблась.

«Грозу» она обожала, и еще когда вела дневник, время от времени писала на его страничках своим четким почерком слова главной героини: «Отчего люди не летают как птицы?». А вот батюшка сильно недолюбливал господина Ост-

ровского вообще, а эту вещь в особенности. Катерина была в его глазах безмозглой потаскухой, которую от доброго и надежного мужа увел никчемный слизняк; ну а уж сам Борис – возлюбленный Кати... так лучше и не говорить вслух.

– Вот то-то и оно, – проворчал он. Больше и вспомнить нечего!

– Но ведь есть такие! – почти возмутилась Маша.

– Ты права – ба... женщины в нашем купеческом сословии наличествуют, – согласился Михаил Еремеевич, согнав суровость с лица. Само собой не такие, как у этого вашего *Чернышовского*. Так вот – расскажу тебе, как оно бывает. Сейчас дочка я объясню откуда они берутся – а ты уж сама поймешь что да как и почему.

Если скажем купец – обстоятельно начал он – обычно не такой молодой, женится на умной барышне – из такой же купеческой семьи... Ну вот – лет с десятков она ведет его дом, растит деток и одновременно приглядывается к мужниным делам. Потом муж начинает доверять женке присматривать за делами в свое отсутствие – когда за товаром уехал или еще куда. Не за важными делами само собой по-первости – но потом и до серьезных вещей доходит.

А когда годков двадцать а то и тридцать пробежит... Бывает что помирает купчина и вдова берет дело в свои руки, а бывает – стар стал и хворает – и тогда жена делами управляет с сыновьями.... Аль с зятьями коли дочек одних Бог послал! – чуть посмурнев добавил Баранцов.

Вот только так в купчихи и выходят и никак иначе. Если доченька, я тебя сейчас обучать возьмусь – ты только лет через десять а то и пятнадцать на что-то годиться станешь. Вся увянешь, усохнешь и пожелтеешь а чего лучше – так и чахотку наживешь. А я вот знаешь хочу еще на свадьбе твоей погулять, внуков потетешкать... – добродушно закончил он, и хлопнул ладонью по столу показывая что разговор окончен.

В тот раз Маша может и не соглашаясь с отцом до конца, все же признала что в его словах есть некий резон.

Но теперь как же она злилась и на него и на себя – что не настояла в тот раз! Может быть теперь она смогла бы взять дело в свои руки – пусть и не сразу, пусть с помощью друзей и компаньонов батюшки. А теперь она беспомощна и всецело во власти Корфа.

Решительно встав, она перекрестилась, поклоняясь до земли...

Помолчала с минуту потом прошептала:

– Прости, батюшка!

В чуткой тишине утра голос прозвучал глухо и хрипло – куда и пропал её прежний, ясный и звонкий голос?

Помолчав еще, девушка повторила громче:

– Прости, батюшка!

И – зарыдала, горько, по-бабьи всхлипывая. Ибо ей как ни тяжело – придется нарушить последнюю волю отца. Они с Дмитрием должны быть вместе до гроба – и они будут вместе!

Часть вторая. Ветры Аляски

1898 год, август, Сан-Франциско.

– Осторожнее, мисс...

Хотя утренний туман белой ватой лежал на низких волнах, но в порту уже по муравьиному суетился народ. Люди энергично толкались и пихались, чтобы пробиться ближе к кораблям, мешая проехать телегам и пробиться грузчикам.

Девушка напряженно вглядывалась в толпу, думая о том, как сейчас поживает тетя Капитолина, и не пострадала ли Марта – с разгневанной тетушки стало бы прогнать бедолагу – несмотря на оставленное письмо, в коем девушка брала всю вину на себя.

– Посмотрите на них, – говорил между тем пароходный агент Джим Прайс взявшийся за три доллара помочь ей с посадкой. – Они готовы давить и топтать друг друга как взбесившееся стадо, чтобы добраться до Юкона. Хотя – стадо и есть! Что делает с людьми золото!

Я читал в газете заметку о человеке, который нашел самородок весом в четыреста унций! Он размером с небольшую дыню, даже больше.

Джим Прайс осторожно прокладывал путь через толпу.

– Сестра – она замужем за торговцем солониной который ведет дела на Аляске мне рассказывала, как они там добыва-

ют золото... Мрут как мухи... Один золотоискатель замерз насмерть прямо в шурфе – его так и нашли сидящим на добытых самородках. Интересно, каково это – испустить дух сидя на куче золота? Как вы думаете?

Но Марии было неинтересно, как это – умереть сидя на куче золота. Она не собиралась умирать да и золото её не очень волновало.

Джим резко вывернул вбок, чтобы не столкнуться с телегой, набитой деревянными клетками с живыми курами и поросятами. За ними выстроился целый ряд перегруженных рыдванов, которые тоже не могли проехать из-за давки. Извозчики орали друг на друга и на запрудившую пристани публику, бранились однообразной английской бранью с её сплошными «shit» и «ass» * и даже потрясали кнутами – хотя в ход не пускали лишь изредка в сердцах щелкая по мостовой.

Проявив немалую ловкость Джиму Прайсу удалось подобраться почти вплотную к «Онтарио».

– Все, дальше не пройти, мисс Мэри. Надо переждать – пробраться через эту толпу вам будет нелегко.

– Ничего, как-нибудь проберусь.

– Это совсем неподходящее место для леди, мисс.

Мария постаралась придать своему голосу больше уверенности.

– Мистер Джим, все будет в порядке. И, пожалуйста, поторопись! Не хватало еще, чтобы мы опоздали!

Пока они толкались в галдящей толпе, она почему-то вспоминала дорогу до этого суматошного города – с того самого момента как одурев совершенно от морской болезни, она сошла на берег в Нью-Йорке с борта восьмитысячника «Галле» Гамбургских линий.

Пароход вошёл в Нью-Йоркскую гавань ясным, холодноватым утром. Лёгкий туман носился над водой. Мелкие волны, зелёные и прозрачные, тихо плескались о корпус «гамбургца». Перед ними развернулся во всей его красе величественный Нью-Йорк – город, равного которому по населению не было в целом мире. Казалось прямо из волн поднимаются ряды высоких домов – в семь или даже десять этажей над которыми как настоящие исполины возвышались знаменитые американские «скайскрэперы» по пятнадцать, двадцать и даже совершенно безумной высоты в тридцать этажей! А по всему заливу сновали сотни пароходов, пароходиков и совсем маленьких пароходишек, с товарами и людьми. Ажурная дуга Бруклинского моста обрисовывалась вверху над крышами и трубами... А на фоне всего этого великолепия на крошечном островке поднималась высокая женская фигура в мешковатой хламиде и с факелом, высоко поднятым к небу – Свобода. Как знала Мария её прислали в дар Североамериканским свободным Штатам французы к сотой годовщине независимости.

А на берегу уже клубилась встречающая толпа – носильщики, комиссионеры, вербовщики, извозчики, матросня и

прочий сомнительный люд – готовый ринуться на пассажиров, как волки на овец как только те сойдут на берег.

На чистенькой верхней палубе толпилась публика из первого класса, разряженная, как на бал.

Мужчины в сьютах и белых шёлковых цилиндрах были сама элегантность, а женские головки украшали шляпки, купленные в лучших лондонских и парижских магазинах, и стоявшие столько что мысль купить такую вызвала бы лишь смех у её отца – выскажи Мария её при жизни Михаила Еремеевича.

Все они чинно прохаживались от борта к борту, чопорно раскланивались со знакомыми – а ливрейные слуги уже выносили дорогие кофры с вещами...

Девушка впрочем взирала на это с юта – отведённого как и бак для публики второго класса.

Тут народу было побольше а публика поскромнее – коммивояжеры, туристы, да несколько посольских чиновников из Вены и Лиссабона.

Ну а ниже – то что отвела судьба для пассажиров третьего класса – узкие галереи двух нижних палуб забранные крупноячеистой проволочной сеткой. И не для красоты – даже при небольшом волнении море захлестывало неширокие проходы а в качку запросто могло бы смыть неудачливого пассажира... Сейчас там теснилась толпа эмигрантов добравшихся в вожделенную Землю Обетованную прижимая радостные лица к таящей ржавчине под слоем сурика сетке –

то ли арестанты на прогулке то ли цыплята или кролики в клетке доставленные на ярмарку рачительным фермером.

Люди с угрюмыми испитыми лицами в грубой матросской или рабочей одежде, и обтрепанных кепках.

Работницы с английских и немецких фабрик – худые с натруженными руками в чистеньких хотя и заштопанных бобриковых жакетах и шляпах, из-под которых торчали волосы давно не знакомые с расческой и уж точно не знавшие услуг куаферов.

Заросшие черной железной щетиной итальянцы в коротких куртках. Тирольские и польские крестьяне с восхищенным ужасом уставившиеся на громаду города-исполина выплывавшего перед ними из утреннего тумана.

Потом был нестрогий таможенный досмотр.

Что удивило Машу, он проходил для всех пассажиров в салоне первого класса и через роскошный интерьер выстроилась вереница оборванцев и бедно одетых изработавшихся женщин.

Пройдя его и быстро заполнив бумаги – здешний таможенный письмоводитель лишь чуть приподняв брови изучил её паспорт с двуглавым орлом – она сошла по сходням на причал и через пять минут кэб нес её на вокзал. Там уже ждал заказанный по телеграфу в гамбургском отделении конторы Кука билет на трансатлантический экспресс. Так что от самого Нью-Йорка осталось лишь смазанное ощущение калейдоскопа безумной суеты на улицах, да удивле-

ние при виде исполинской громады Центрального вокзала – самого большого в мире. Колоссальное здание с сорока четырьмя платформами и впрямь поражало всякое воображение.

Заняв место и предъявив билет она тут же уснула и пробудилась уже глубоким вечером, когда за вагонным окном уже тянулись пшеничные поля штата Пенсильвания.

...Поезд летел, пересекая северо-американский континент – от океана к океану. Огайо, Иллинойс, Коннектикут, Дакота, Вайоминг...

Виды и пейзажи бесконечной чередой сменяли друг друга: большие города с множеством фабричных труб, над которыми висели хвосты чёрного дыма; поселки с изящными коттеджами и улицами, вымощенными брусчаткой, освещённые газом и электричеством; бесконечные кукурузные поля, окаймлённые живыми изгородями тиса и жимолости; леса и сады, озёра и реки, то широкие и спокойные, то узкие, пенистые, своенравно прыгающие с камня на камень. Менялись и пассажиры, хотя их гладко выбритые лица, пиджаки, купленные в магазине готового платья, и разнокалиберные саквояжи с «патентованными» неуязвимыми якобы от воров замками, облепленные гостиничными и пароходными наклейками, походили друг на друга больше, чем ландшафты. Впрочем, так было лишь до Омахи – потом народ заметно поменялся. Чопорный деловитый Восток протестантских пасторов и коммивояжеров сменился крепким и буй-

ным Западом. Появилось немало уса­тых и боро­даты­х муж­чин – здеш­ние джентль­ме­ны счита­ют как и в Рос­сии несооб­раз­ным с их досто­ин­ством рас­ставать­ся с укра­ше­нием, что по­да­ри­ла их ли­цам мать-при­ро­да. Белые маниш­ки, ци­лин­дры и сюртуки почти про­па­ли, усту­пив клет­ча­ты­ми руба­ха­ми и штанам из синей меш­ко­ви­ны с мед­ны­ми за­клеп­ка­ми. Лица, с выра­же­нием бес­ша­баш­ной сме­ло­сти, лихие и од­но­вре­мен­но хит­рые взгляды из-под на­суп­лен­ных бровей, ши­ро­чен­ные спи­ны, кос­ма­тые го­ло­вы не знав­шие по­хо­же при­кос­но­ве­ния цирюль­ни­чьих но­ж­ниц, вес­нуш­ки, серые блек­лые глаза – встре­тишь та­кое ли­цо в Пе­тер­бур­ге и не уди­вишь­ся.

И то­щие фи­гу­ры и вы­тя­ну­тые ли­ца ква­ке­ров Новой Ан­глии ста­ли вы­глядеть, как хо­дя­чие карикатуры, на фоне во­лов­ьих за­грив­ков и ок­руг­лых по-хо­мячьи щёк, при­над­ле­жав­ших этим «ред­нэ­кам» – как на­зы­ва­ли мест­ных де­ре­вен­ских мужи­ков. Пей­за­жи то­же ра­ди­каль­но из­ме­ни­лись – воз­де­лан­ные поля ку­ку­рузы ис­че­зли; вме­сто зе­лё­ных всхо­дов пше­ни­цы яви­лись ку­сты се­до­ва­той по­лы­ни и жи­дкие пуч­ки степ­ных трав, ску­дно про­рас­та­вших из су­хой пе­счаной поч­вы. Эк­сп­ресс дви­гал­ся по по­лу­пу­сты­не, ко­торая, как го­во­ри­ли по­пут­чи­ки раз­де­ля­ла Вос­ток и за­пад Аме­ри­ки, и где в свое время по­гиб­ли сот­ни ка­ра­ванов пе­ре­се­лен­цев. Те­перь, ко­гда че­рез неё про­ле­гли ма­гис­тра­ли же­лез­ных до­рог, тут мало что из­ме­ни­лось. Стан­ции и разъез­ды, по­па­дав­шие­ся на­в­ст­ре­чу, имели до­воль­но убо­гий вид – да­же по­хуже чем иные уезд­ные

полустанки в России. Жалкие скопища домишек, чего-то наподобие щелястых курятников и бараков для нищих или каторжников тем не менее носили громкое название оканчивающееся на «Сити». Зато на каждом шагу виднелись вывески «салунов», «дансингов», и варьете с замысловатыми названиями. «Приют десперадос», «Золотые парни», «Свидание с ковбоем» и прочее в том же духе. Потом однажды утром Маша увидела на горизонте цепь синих хребтов с белыми пятнами ещё не стаявших снегов.

У подножия Скалистых гор она впервые увидела индейцев: жалкие, ободранные, кое-как прикрытые ветхими цветными одеялами, как клячи попонами. От них пахло перегаром и дешёвым табаком, и они протягивали руку к пассажирам, прося милостыню. Женщины их копошились у разодранных шатров, полунагие ребятишки копались в песке – ни дать ни взять цыгане на ярмарке. (Она так и не вспомнила – живут ли цыгане в Североамериканских штатах?). Было трудно поверить что это те самые «краснокожие», еще каких-то двадцать с небольшим лет назад не боявшиеся нападать на поезда и даже громившие регулярные войска...

Затем их поезд начал подниматься по склону, то повисая над пропастью, то прихотливо извиваясь на плато, то устремлялся в узкие ущелья. Стало холоднее, а голова кружилась – разряженный воздух высокогорья давал о себе знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.